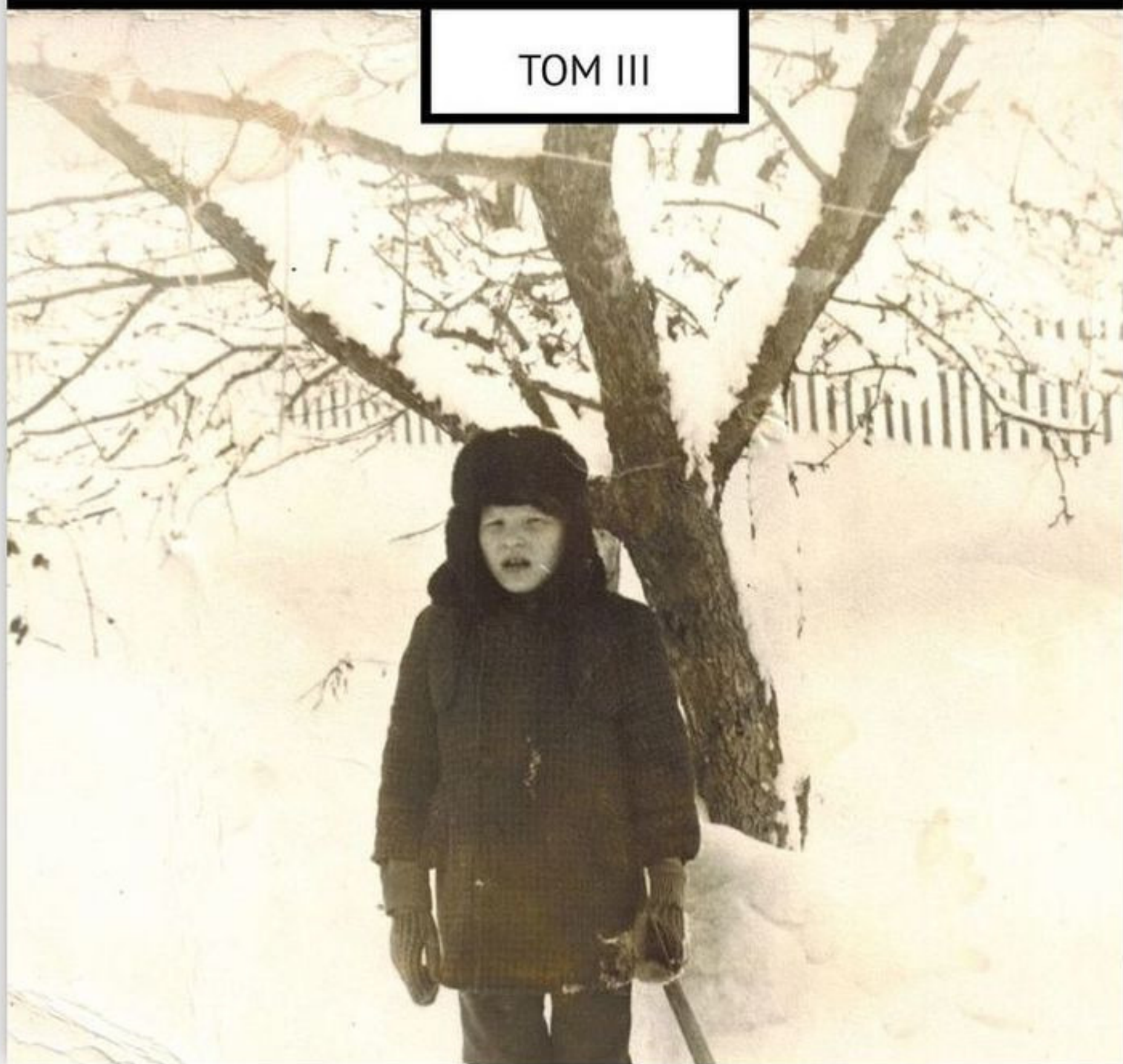

18+

ВЛАД КОСТРОМИН

Наследники Мишки Квакина

ТОМ III

Влад Костромин
**Наследники Мишки
Квакина. Том III**

«Издательские решения»

Костромин В.

Наследники Мишки Квакина. Том III / В. Костромин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980573-7

Продолжение веселых и забавных, а порой и страшных, приключений юных костромчат Пашки и Влада, их заумного хвастливого отца, чопорной строгой матери, глупых жадных родственников и деревенских друзей.

ISBN 978-5-44-980573-7

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

Бородавка	6
Трава у дома	9
Подарок маме	14
Гуля	16
Почки	18
Кислица	23
Гусь	25
Кортик	29
Девятое	31
Доброта	33
Чурочки	34
Том Сойер	37
Конкуренция	42
Эксперимент	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наследники Мишки Квакина Том III

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2021

ISBN 978-5-4498-0573-7 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-6050-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С Мишкой
и его друзьями!
Всем добра, мира и
успехов!
Ваш
Влад

Продолжение веселых и забавных, а порой и страшных, приключений юных костромчат Паши и Влада, их заумного хвастливого отца, чопорной строгой матери, глупых жадных родственников и деревенских друзей.

Для желающих помочь автору money.yandex.ru/to/410014049375873

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Бородавка

Когда мы с младшим братом Пашкой были маленькими, то жили в глухой деревне. Отец был директором совхоза, мать бухгалтером. Был у меня тогда друг Андрюха по кличке Пончик. Я с ним познакомился еще в ту пору, когда мы жили в первом доме, возле конторского сада. После переезда нашей семьи в новый, специально по проекту матери выстроенный дом, дружба наша нисколько не прервалась. Даже наоборот. После совместного взлома вагончика, в котором жили строители, и кражи оттуда инструмента, дружба стала еще крепче. Можно так выразиться, что преступная связь скрепила ее (дружбу).

Однажды летом у Андрюхи вскочила бородавка на лице.

– Я же жаб не трогал, – едва не плача говорил он. – За что мне такое?

– Это тебе наука, чтобы вагончики не грабил! – безжалостно заявила моя мать, по привычке подслушивавшая за дверью, и вошла в комнату.

– Я же больше не буду! – жалостливо сказал Пончик. – И мы с Владом попросили прощения за тот раз. Может, пройдет?

– Само не пройдет! – категорически заявила мать. – Но если обещаешь не воровать...

– Обещаю! Сроду больше ничего чужого не возьму!

– Будет тебе средство, – принесла из зала трехлитровую банку с водой. – Вот, самим Чумаком заряжено. Я тебе отолю в бутылку, а ты мажь бородавку три раза в день.

– А поможет? – усомнился я, с детства скептически относясь ко всем этим целителям.

– Поможет, – уверенно ответила мать. – Я вот забеременеть Пашкой не могла, а потом съездила к самому Порфирию Иванову и вскоре получилось. Как раз повезло, он года через два после этого умер.

– Лучше бы не получилось, – буркнул Пашка, как обычно прятавшийся под столом в прихожей. Из-за свисавшей почти до пола скатерти его было не видно, и он часто подслушивал там разговоры матери с ее подругами. Была у него такая привычка. Спрячется под столом и норовит якобы невзначай под стулом, на котором человек сидит, прошмыгнуть. А то вдруг метнется, нырнет мимо ног, выскочит на веранду и поминай, как звали. Люди, видевшие это первый раз, очень пугались.

– Тебя забыли спросить! – повысила голос мать и постучала по столешнице. – Ума никакого, только лягушкам глаза колоть, а туда же, квакает, совсем как умный.

– Ты лягушек точно не обижал? – пристально посмотрела она в глаза Андрею.

– Нет, что вы, тетя Валя. Никаких лягушек не трогал!

– Смотрите, – предостерегла мать нас с Пашкой. – Будете на озеро тайком ходить, и у вас бородавки будут!

– А кто такой этот Иванов? – осмелился спросить я.

– Ты что дикарь? Таких людей не знаешь? Митрофанушка ты, только лягушкам глаза колоть, да, как подрастешь, по кабакам шлындрашь! – доступно объяснила мать. – Экстрасенс такой, народный.

Тут притопал с работы отец.

– Кто экстрасенс? – спросил он.

– Порфирий Иванов, – ответила мать.

– Диалектический материализм его отвергает, – важно ответил папаша. – А чего вы его вспомнили? По какому, так сказать, контексту?

– У Андрюши бородавка, а я ему воды заряженной налила.

– Бородавка это мелочи, – отец закатал левый рукав и ткнул узловатым пальцем в большое пятно светлой кожи на мощном левом бицепсе. – Вот тут у меня родинка была и сковырнул. Так потом корни вырезали, во какая дырища получилась.

– Это да, – уважительно рассматривали дефект кожи мы с Андрюхой и Пашкой.
– Больно было? – уточнил Пашка, жалостливо скособочившись.
– Конечно, больно, но я не хныкал, как некоторые! – бахвалился отец. – Берите пример с бабки, солитеры бледные!

Прошла неделя, и друг прибежал к нам домой без бородавки.

– Правда, помогло! – выпалил он, тыча грязным пальцем в свое лицо. – Сошла бородавка! Теперь постоянно буду Чумака и Кашпиоровского смотреть. Мамка моя тоже будет воду заряжать.

– Брехня все это, – ответил я.

– Почему брехня? Помогло же!

– Потому, что я заряженную воду вылил, а в банку обычной воды налил из-под крана.

– Правда? – побледнел друг.

– Да, просто при матери говорить не хотел.

– А зачем?

– На всякий случай.

– И что теперь? – голосом унылого ослика Иа-Иа спросил друг.

– Ничего. Помогло же. Радуйся.

– Пойду я домой.

Вечером пришла с работы мать, и Пашка поведал ей радостную новость.

– У Андрея-Пончика бородавка прошла!

– Вот видите, – поучающе воздела палец мать. – Помогает. Будете теперь по утрам по столовой ложке натошак пить. От язвы желудка.

На следующий день Пончик пришел к нам с бородавкой.

– Откуда бородавка? – искренне удивился я.

– Ночью опять появилась. Что делать?

– Я откуда знаю? Мажь водой, может, пройдет.

Неделю он мазал водой из той бутылки, что налила мать, но ничего не произошло. К нам в гости приехала бабушка Евдокия Архиповна, мать отца. Пришедший в гости Андрюха попался ей на глаза.

– Мальчик, что это у тебя? – спросила бабушка.

– Это он на озеро тайком ходил, и Бог его наказал, – воспитательно влезла мать, со значением посмотрев на нас.

– Валь, не мешай, – отмахнулась бабушка Дуня. – Так что это?

– Бородавка. Я водой заряженной мазал, что тетя Валя дала, и она прошла, а потом опять вскочила, – пожаловался Андрей.

– Валь, что за вода?

– Чумака заряжал по телевизору, – слегка покраснела мать. – Я Андрюше отлила...

– Валь, ты, как и Витя мой, совсем малахольная! Какой Чумака?! Бесовщина это все!

– А по телевизору говорят...

– Тю на тебя! Батя твой с нечистым водился и ты туда же. Молчи больше.

– А при чем тут батя мой?

– Да, на чужой роток не накинешь платок, – вздохнула бабушка. – Не при детях.

– Андрюша, я тебя вылечу, – ободрила она Пончика. – Подожди немного.

Дом наш стоял в большом яблочном саду, и она отправилась гулять по этому саду. Через полчаса вернулась и протянула моему другу растение с мелкими желтыми цветочками.

– Это чистотел, – сказала она. – Мажь его соком бородавку и все пройдет.

– А точно пройдет? – после того как «обжегся» на воде Андрюха был готов и на чистотел дуть.

– Точно. Еще можно молочаем мазать. Знаешь молочай?

– Да.

– Вот и мажь, – бабушка проследовала в дом.

– Поможет, – подтвердил я, внимательно наблюдая, как друг неуверенно мажет бородавку густым оранжевым соком. – Бабушка у меня в травах понимает. Когда меня змея укусила, то она меня вылечила.

– Точно, – подтвердил Пашка.

– Ты-то откуда знаешь, ты же маленький тогда был? – спросил я.

– Помню, – важно заявил брат.

Андрюха мазал соком чистотела бородавку и через пару-тройку дней она прошла. А мать по-прежнему заставляла нас пить воду из банки, считая ее «заряженной» и целебной.

– Пончику бородавку свела и вам может мозгов прибавит, – приговаривала она.

– И главное, что практически даром, – поддерживал ее отец, наливая себе в стакан. – Для потенции тоже пользительно будет.

Трава у дома

Однажды поехали мы в райцентр, за покупками в универмаг.

– Еще брандахлыст можно в холодильник положить, а потом к ранке прикладывать, – учила дорогой мать, повернувшись к нам с переднего сидения.

– Я в их возрасте уже сам брандахлыстом был, ги-ги-ги, – гиеной засмеялся отец, важно оглаживая лысину.

– Витя, за дорогой следи! – оборвала мать. – Не хватало нам еще одной аварии, а то и второй охромеет.

– Охромей Вахрамей, – захихикал папаша. – Пенсию платить будут, – но руль больше не бросал.

– Пенсия пенсией, а здоровье не купишь, – рассудительно вздохнула мать. – Вон тебе от плечи никакая зарплата не помогла. Что агрономом был, что директором стал, а лысина только растет.

– Это у меня практически боевое ранение! Долг, отданный Родине! – напыжился отец.

Лысеть он стал сразу после армии. По его словам облучился, загорая на крышке шахты межконтинентальной ракеты с ядерной боеголовкой.

Переезд был перекрыт шлагбаумом.

– Значит так, щеглы неоперившиеся, – глядя на пронсящийся мимо поезд, поучал отец, – смотрите по сторонам, может, что где плохо лежит. Тогда уж не плошайте, хватайте сразу и волоките в машину.

– А что там может лежать? – простодушно спросил Пашка.

– Что угодно, это же оплот цивилизации в наших прериях, райцентр. Видишь, тут даже поезд ходит, – переезд открылся. – На дальней станции сойду, трава по пояс, – запел отец, посылая машину вперед. – Сойду в траву, как в море, босиком.

– Только не будьте дикарями, – поучала, кутаясь в душегрейку, мать, – заборы не тащите, а то с вас станется, – вздохнула и вытерла глаза уголком платка.

– Я вас здесь высажу, – машина остановилась напротив хлебозавода. – Пойдете прямо, на площади найдете машину. Понятно?

– Так точно, – адрессировано ответил я.

– Присматривай за братом, – напутствовала мать.

– Держите хвосты пистолетами, – добавил папаша и УАЗ умчался к площади Ленина.

Мы не спеша пошли по улице, ныряя в тень деревьев и присматриваясь.

– Кран, – первым заметил брат.

Я оглянулся по сторонам. Никого не было, а водителям редких машин мы были не интересны. Попинал торчашую из земли трубу, открутил вентиль. Напились.

– Вкусная вода.

– Такая же, как у нас, – не согласился я. – Наша даже вкуснее.

– Трубу не украдешь, – рассудительно поправил очки брат.

– Вентиль можно скрутить, – пассатижами, когда-то украденными из комбайна, я свернул гайку, еще раз оглянувшись, сдернул вентиль и спрятал в карман.

– Ловко мы, – восхищался Пашка. – Просто шли и нашли, как гриб!

– Угу.

– Батя будет рад, – брат подобрал четвертинку кирпича и спрятал в висящую через плечо объемную холщевую сумку.

– Угу.

Незаметно дошли до площади. Остановились, разглядывая Ленина, указывающего «правильную дорогу». От крашеного в желтое универмага нетерпеливо посигналил УАЗ. Вздрогнув, мы кинулись к машине.

– Где вас носит, пострелята? – зло спросил отец.

– А мы думали... – начал Пашка.

– Вы думали? Не смейся мои штиблеты. Значит, дело такое, – родитель понизил голос, – надо будет добыть козла...

– Чего добыть? – не понял я.

– Кого! – папаша смерил меня долгим взглядом. – Мамка ваша, овца, козла себе присмотрела. Понятно?

Мы молчали, переваривая.

– Какого козла? – наконец спросил я.

– Обычного козла, только козу, – ясности не прибавилось.

– И семеро козлят? – осторожно спросил Пашка.

– Правильно мыслишь, – отец потрепал его по кепке, прикрывающей белобрысую голову, – но несвоевременно. Пока нам и вас хватит, козлята... Начинать надо с козы. Короче, не перебивайте отца! Сейчас я сдам вон туда, – узловатый палец указал на проулочек между универмагом и деревянной хибарой. – Влад, ты выскакиваешь и помогаешь мамке затянуть козу. Потом садишься спереди и мы едем домой, как ни в чем не бывало.

– А мне что делать? – спросил брат.

– Тебе, вахлаку, заткнуться самому и помогать заткнуть козу.

УАЗ сдал назад. За хибарой была небольшая вытопанная лужайка, по которой мать тащила упирающуюся козу. Я выскочил и начал помогать. Вдвоем заволокли добычу в машину, назад. Я сел на переднее сидение и УАЗ рванул, как спугнутый заяц. Похищенная попыталась кричать.

– Валь, заткни ее! – нервно сказал отец, зыря по сторонам.

– Как? – растерялась мать.

– Как хочешь!

Мать начала гладить зверя, приговаривая:

– Коза-дереза, шерстка шелковая, рожки острые...

Коза заблажила пуще прежнего.

– Козлятушки-ребятушки, ваша мамка пришла, молочка принесла...

– Паш, сними кепку и заткни ей глотку! – заорал отец, останавливаясь перед закрытым переездом.

– Кому? – не понял брат.

– Козе, баран!!! Не Вальке же!!!

Пашка неуверенно снял кепку с накладными кудрями и боязливо попытался засунуть в пасть.

– Что ты трясешься?! – закричал отец.

– Укусит...

– Как она тебя укусит?! Это же травоядное!!!

– Мало ли...

– Суй!!! – УАЗ проскочил рельсы и запрыгал по колдобинам.

– А-а-а-а!!! – заорал укушенный Пашка.

– Что ты? – испугалась мать.

– Укусила-а-а!!! – брат залился слезами.

Коза поддержала завыванием.

– Заткнись! – материнская оплеуха заткнула Пашку. – И ты тоже заткнись! – рывок за рога лишил голоса козу. – Я вас выдрессирую! – мать сняла жалостливую маску и вернулась к привычной вспльчивой мрачности. – Удушю, падлы купоросные!

До самого поворота на Горовку мы ехали молча.

– Валь, зачем тебе коза? – свернув на родную дорогу, нарушил молчание отец.

– Вить, она так жалобно на меня смотрела... Глаза такие добрые... Не то, что у наших волчат. Молоко опять же.

– Молока с нее не ахти, – закурил «Приму» папенька, – как и у тебя мозгов. Кормить животное чем будем?

– Небось прокормим. Сена выпишем, соломы привезешь. Она даже полынь жрет, я помню, у нас в детстве была похожая.

– Если полынь... – задумался, – можно в огороде с краю да на задворках привязывать, чтобы бурьян поела, а то косу портить жалко.

– Видишь? – обрадовалась мать. – Будет польза.

– Все относительно, – «бычок» полетел в форточку, – кому польза, а кто-то без козы остался, ха-ха-ха, – громко захохотал, испугав пленницу. Отсмеявшись, затыкнул:

– И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева. А снится нам трава, трава у дома, зеленая, зеленая трава.

Под веселое пение УАЗ допрыгал до деревни.

– Если вас кто спросит... – начала говорить мать.

– А кто нас может спросить? – испугался Пашка.

– Не перебивай! Кто угодно, хоть Моргуnenок твой. Всем говорите, что козу купили.

– Подозрительно получается, – поскреб лысину отец. – Коз в районе мало – это раз; никто не покупает козу, если есть корова – это два.

– Тогда говорите, что Владу для лечения козье молоко прописали, а козу бабка Дуня отдала. Никто же не проверит.

– Толково, – одобрил отец, – так всем и говорите, опездолочи. Сами добыли что-нибудь или все за батькой прячетесь?

– Вот, – я показал вентиль.

– В хозяйстве сгодится. Все?

– Кирпич, – робко показал брат.

– Кирпич, – хмыкнул отец. – Сам ты кирпич. Не ахти.

– Ты же говорил, что в хозяйстве все сгодится, – обиженно надулся Пашка.

– Сгодится, главное, что не в убыток. Ладно, оставь, скажешь училке, что у тебя камень из почки вышел.

– Как вышел? – не понял Пашка.

– Дерево, натуральное дерево, – присвистнул отец. – Я тебе потом объясню, а то все равно забудешь.

– Вить, не свисти, денег не будет! – дополнила мать.

Пока она нянчилась во дворе со скотиной, мы, под чутким руководством отца, готовили в сарае «козлятник».

– С другой стороны, – развалившись на табурете, курил отец, – коза в хозяйстве тоже не лишняя. Молоко, – загибал палец, – сыр, мясо засолить можно, из шкуры пошить что-нибудь ширпотрепное. Женщину заменить может, как у Робинзона Крузо, хотя вам еще рано про это. Или тигра подманить можно...

– У нас есть тигры? – боязливо оглянулся Пашка.

– У нас есть бараны, – родитель метко выщелкнул окурочек в оконце на навоз, – и они сейчас передо мной, ха-ха-ха, – захохотал, перепугав курей. – Как ты приколачиваешь? – заорал на меня. – Сильнее бей, утконос гамбургский, не бабу по жопе хлопаешь!

Я начал стучать сильнее.

– Вот так, как строитель коммунизма! – отец достал из кармана «четверку» «Пшеничной», свернул ей голову, выпил из горлышка. – Главное в жизни, это труд, – назидательно поднял палец вверх. – А в труде главное – чуткое руководство, – схватил себя за челюсть, словно Гамлет череп Йорика. Покачав головой, отпустил челюсть и сказал: – Нормально, отсюда не выскочит.

– Витя!!! – влетела мать. – Коза!..

– Чего там? – поспешно спрятал недопитую бутылку.

– Коза!.. – мать всплеснула руками.

– Да что стряслось?! – отец неохотно встал с табурета.

– Коза на крышу залезла!

– Какую крышу? – не понял он.

– На дом...

– Шутишь? – выскочил из сарая.

Мы кинулись следом. Коза стояла на плоской крыше кухни, возле печной трубы.

– Как она там оказалась? – почесал лысину отец.

– Я хотела ее в огород, а она вырвалась, на бочку скок, на мастерскую скок, а оттуда на дом.

– Ме-е-е-е, – громко подтвердила коза, нагло глядя на нас.

– Валь, ты очумела?! Ее же с дороги увидят!

– Ме-е-е-е! – коза подошла к краю крыши, начала бить копытцем.

– Серебряное копытце, – вспомнил диафильм Пашка и подставил кепку, ожидая монет.

– Серебряное корытце, – передразнил отец.

Поднялся хвост и Пашку окатило вонючими катышками.

– Еще и срет на нас, скотина! – взъярился отец.

Подхватив с дорожки кусок гравия, бросил в козу. Она повернулась и стала корчить рожи, презрительно крича.

– Заткнись!!! – отец бегал по двору и швырялся камешками. – Я тебя урою, контра! Я тебе покажу козью морду! Кузькину мать!

– На, – Пашка протянул найденный кирпич.

Отец в запале засветил четвертинкой. Коза шарахнулась, в листе шифера откололись две волны.

– Твою контрреволюцию! – отец, тяжело дыша, уставился на Пашку. – Какого лешего ты мне кирпич дал?

– Помочь хотел... – попятился брат.

– Помочь?! Крышу кто ремонтировать будет? Пушкин? Или вы, лежебоки? Опять за бабкиной спиной отсидеться хотите? Всегда так: один с сошкой, семеро с ложкой!

– Вить, не кричи так громко, – одернула мать. – Сроду ты с сошкой не был.

– А ты? Ты, коза, со своей козой!!! Крыша треснула!!! Одни убытки! Что делать?

– Может, вы с Владом на крышу залезете? – робко предложила мать. – И снимете ее?

– Как?

– По лестнице.

– Козу? По лестнице? Чтобы или рогами или копытом ударила? Или обосрала, как Пашку?

– Она меня еще и укусила, – наябедничал брат.

Коза верещала на всю деревню.

– Стойте здесь, следите, – отец кинулся в дом.

Выскочил с ружьем.

– Витя! – кинулась наперерез мать. – Не стреляй!

- Козу жалко? – прищурился отец.
 - Дурак! – сварливо ответила мать, постучав его по голове. – Крышу прострелишь.
 - Вдоль крыши ее сниму.
 - Там же дорога, застрелишь кого-нибудь.
 - Хм... Влад, неси лестницу и ставь вон там, – пожевав губами, решил он, – буду в сторону сада стрелять.
 - А если там кто идет? – не сдавалась мать.
 - Нечего шляться, – отрезал. – Сами виноваты. Влад, лестницу!
- Я приволок лестницу, отец забрался на нее. Прозвучал выстрел. Коза пронзительно закричала, будто Пашка, которого бьют. Второй выстрел. Упала с крыши. Подергалась, с болью и презрением посмотрела на нас и издохла.
- Вот тебе и трава у дома, – спустился отец. – Шкуру попортил...
 - Ничего, – мать старалась не смотреть нам в глаза, – зато мяса пожарим. Все равно у коз молоко вонючее...
 - Лучше засолить, – подумав, сказал отец, – раз уж не удалось как Робинзон, так хоть попробуем, что он ел. Влад, пошли, будешь учиться коз потрошить.

Подарок маме

Рассказ участвовал в конкурсе «Волшебная весна» литературного журнала «Четверг»

– Февраль: достать рубли и плакать... – выдохнул сигаретный дым отец. – Семья это важнейшее дело в жизни человека, – приоткрыл дверцу УАЗ-а и выбросил куцый окурочек в мокрый снег. – Без семьи нынче некуда. Понятно?

– Понятно, – ответил Пашка.

Я молча кивнул, подозревая подвох в непривычной ласковости отца.

– А что в семье самое главное? – продолжил отец, закуривая следующую «Приму».

– Чтобы кормили? – предположил Пашка.

– Это важно, не спорю. А еще что? Ты чего молчишь, Влад? – повернулся ко мне.

– Чтобы было, где жить?

– И это тоже важно, но не все, – отвернулся, глядя сквозь лобовое стекло на памятник Ленину. – Важнее всего родители. Понятно?

– Да, – закивал Пашка.

Я промолчал.

– Скоро международный женский день, посвященный Кларе Цеткин и Розе Люксембург, поэтому...

– А что такое кларцеткин? – спросил брат.

– Вот придурок, – отец сплюнул под ноги и постучал по рулю. – Это иностранки такие.

– А мы тут при чем? – удивился Пашка.

– Это не важно, важно добыть подарок для вашей матери, – и добавил тихо что-то неразборчивое.

– Купить? – не унимался любознательный Пашка.

– Купить любой дурак может, – презрительно скривился отец. – Даже такой, как ты.

– У меня денег нет, – радостно ответил брат, – я не могу.

– Знать бы, кто твой отец, – сняв шапку, задумчиво почесал плешь папаша, – ты явно не в меня, я в твоём возрасте догадливее был. Ладно, объясняю для умственно отсталых. Вон там, – палец отца указал вправо, – универмаг. В универмаге подарок. Ваше дело его добыть!

– Украсть? – осторожно спросил я.

– Можно бы украсть, – с сожалением сказал отец, – но ты и так в детской комнате на учете состоишь, хватит с меня позора. Будете делать так, – понизил голос, посвящая нас в план. – Заходите, спотыкаетесь, будто погреться зашли. Потом ты, – палец уткнулся Пашке в лоб, – одеваешь на голову вазу, там есть такая большая, я разведал...

– Кому? – испугался Пашка.

– Себе, – вздохнул отец.

– Зачем?

– Зачем я с тобой связался! – кулак отца врезал по спинке сиденья. – Но у Влада не получится, голова большая, – с сожалением посмотрел на меня. – Понятно?

– Я боюсь, – накуксился Пашка.

– Нечего там бояться. Твой дядька два года с глиняным горшком на голове проходил и ничего, не облез. А тебе несколько минут потерпеть. Одеваешь и реवेशь! А ты, старшОй, начинаешь бегать вокруг и кричать, что он задохнется. Тут вбегаю я и увожу его, вроде как в больницу, а ты потом незаметно выходишь и топаешь к вокзалу. Мы тебя там подождем. Ясно?

– Ясно, – кивнул я.

Пашка промолчал.

- Чешите, дармоеды. Я зайду через, – посмотрел на часы, – десять минут.
Мы вылезли из машины и неуверенно пошли к универмагу. Внутри было тепло и Пашка немного расслабился после замороженного нутра УАЗ-ика.
- А меня милиция не поймает? – тихо спросил он.
– Нет, – без всяких угрызений совести обманул я. – Милиции тут нет.
Здание РОВД находилось рядом, но Пашке об этом было знать не обязательно.
– А какая ваза? – шептал он.
Я в уме прикинул размер вазы, головы брата:
– Вон та, вроде.
– Хорошо, – он внезапно схватил тяжелую вазу и напялил на себя.
– Мальчик, ты что делаешь? – всполошилась молоденькая продавщица.
– А-а-а-а! – приглушенно ревел брат.
– Это он чего? – подбежала вторая, пожилая. – Это что тут?
– Он задыхается!!! – закричал я. – Умирает!!!
– Мальчик, мальчик!!! – трясла Пашку за плечи пожилая. – Мальчик!!!
– Сдохнет сейчас!!! – орал я, понемногу пятясь к выходу.
– Вера Тихоновна, – испуганно спросила молодая, – что делать?!
– Без паники, Аня! Беги к телефону, вызывай скорую!
– А как звонить?
– А я знаю?!
- Что тут происходит? – вошел отец с поднятым воротником, в низко надвинутой на глаза шапке и с повязкой «Дружинник» на рукаве тулупа. – Что за крик? Кого режут? – лица почти не было видно.
- Мальчик!.. Надел... – плакала Аня. – На голову... А я... я...
– А вы сядете за убийство, – оскалился отец.
– За что?!
- Найдут, за что.
– Я только подошла, – попятилась Вера Тихоновна, – я ничего не видела!
– Ребенка надо немедленно доставить к врачу, – подхватив Пашку за плечо, потащил к выходу. – Я беру это на себя, оставайтесь на месте и не паникуйте. Спокойствие, только спокойствие, – обернувшись в дверях, прокричал он. – Писем не ждите, читайте в газетах! – скрылся в ранних мартовских сумерках.
- Ты знаешь этого мальчика? – спросила меня Вера Тихоновна.
– Нет, первый раз вижу.
– А ты что тут делаешь? – подозрительно смотрела она.
– Пришел велосипеда посмотреть...
– Велосипеды не здесь, они на втором этаже, – сказала Аня.
– Ну, я пойду... – я не спеша шел к выходу.
– А ты чей? – не унималась пожилая. – Что-то я тебя не знаю.
– Фролкин я, Петя, – сказал первое пришедшее в голову.
– А живете вы где?
– Возле хлебозавода. До свидания, пойду я.
– А велосипеды? – не поняла Аня.
– В другой раз, – выскочил на улицу и, стараясь не поскользнуться, побежал к автостанции.

Гуля

Рассказ участвовал в конкурсе короткого рассказа «Мой дом», проводимом риэлтерским агентством «Недвижимость линия закона» (г. Гомель, Беларусь) и радио «Гомель Плюс» 103.7 FM (РУП ПТЦ «Телерадиокомпания «Гомель», Беларусь)

Когда я был совсем маленьким, мы жили в деревне Пеклихлебы. Квартира на втором этаже панельки, балкон незастеклен. Однажды в воскресенье мать нашла на балконе гнездо с пищащими птенцами.

– Вить, а Вить, – сказала отцу, жуящему на кухне, – у нас птенцы.

– У нас не птенцы, а спиногрызы, – отец зло посмотрел на меня. Я стоял на табуретке, ожидая, пока ему захочется послушать стишок. – Чего в рот заглядываешь? Это некультурно.

– Можно мне, – слотнул слюну, видя, как челюсти отца безжалостно перемальвают бутерброд с салом.

– Чего тебе?

– Сало...

– По сусалам! Губа не дура, – почесал левой рукой ухо. – Я в твоём возрасте на лебедь и сныти жил, а тебе сало подавай.

– Не давай ребенку сала, – вошла мать, – руки будут жирные, шторы испачкает.

– Ну и пусть пачкает.

– Не тебе стирать!

– Видал, старшОй, – подмигнул он, – мамка не разрешает. Так бы я тебе дал, но мамку надо слушаться.

– Там птенцы, – снова начала мать.

– Где?

– На балконе.

– Большие?

– Нет, мелкие еще. Пищат так смешно, – улынулась мать.

– Жалко, – доел бутерброд и принялся делать следующий. – Можно было бы «цыплят табака» зажарить.

– Вить, тебе бы только пожрать! Голубь – птица божия. Его есть нельзя.

– Опять начались бабкины сказки, – недовольно поморщился. – Валь, я кандидат в члены партии, атеист, а ты про бога плетешь. Нет его!

– Хорошо, пусть нет, – боязливо перекрестилась, – но все равно, голубей есть нельзя.

– Почему?

– Голубь – птица мира.

– Сама ты птица мира. На голодный желудок никакого мира не будет, – начал жевать. –

Война войной, а обед по расписанию.

– Я их оставляю?

– Оставляй, подрастут – посмотрим, на что они сгодятся.

Мать хлопотала над птенцами едва ли не больше, чем над новорожденным Пашкой, но выжила только одна голубка, которую мать прозвала Гулей. За лето Гуля окрепла и оперилась. Сидела на руках матери, важно ходила по квартире, гадила отцу в обувь. Никуда не улетала, следила с балкона за улицей.

– Вить, мы так можем голубей развести, продавать будем, – мать нежно гладила Гулю. – Разбогатеет.

– Как же, разбогатеет, – бурчал отец, вытряхивая с балкона помет из туфель, – скорее в навозе утонем.

– Когда птичка обгадит, это к богатству.

– Тьфу ты, – плевался вниз, – опять бабкины сказки. Чему ты детей учишь?
– Учю ухаживать за животными, природу любить.
– Этих уродов, – погладил испачканной пометом ладонью меня по волосам, – только природу любить и учить.

Голубка крепла, наливалась. Часто сидела у меня на плече, смешала отца.

– Пиастры, пиастры, – непонятно кричал он. – Ха-ха-ха! подойди ближе.

Я подходил.

– Как курица прямо, – брал за клюв и качал, – натурально. – Гладил по перышкам, прощупывая грудку. – Как говорится, в строгом соответствии с законами диалектики, количество переходит в качество. Учись, карандаш, – гладил меня по голове, вытирая пальцы о волосы. – Сегодня курица летает, а завтра жарить ты ее.

– Гулю нельзя жарить, она хорошая.

– Шучу я, – зверски улыбался, – не бойсь. На безрыбье и курица птица.

В конце лета отца отправили руководить совхозом в Горовку и мы остались четвером: я, Пашка, мать и Гуля.

– Скоро в другую деревню переедем, – говорила по вечерам мать, стоя на балконе и глядя птицу, – там лучше будет.

– Почему лучше?

– Потому, – вздохнула, – что тут мы лишь семья помощника агронома, а там будем семьей директора, а это две большие разницы. Разбогатеет, – улыбалась мечтательно, а голубка курлыкала в ответ, – Гуля нам богатство принесет. Не зря на Витьку гадила.

В конце осени позвонил отец и велел паковать вещи.

– Дождались! – ликовала мать. – Наконец-то! скоро уедем из этой постылой деревни! Ура! – скакала по комнате с Пашкой на руках.

Утром на балконе застала соседского кота, жрущего Гулю.

– Гулю съели! – всплеснула руками. – Ты чего спишь, падла? – напустилась на меня.

– А что я?

– Ты должен был за хозяйством следить! – тяжелая рука матери сшибла меня с ног.

Я заплакал.

– Хнычь теперь, не хнычь – толку нет, – рассматривала истерзанное тельце. – Сгубили Гульку, – горько заплакала. – Вся жизнь теперь наперекосяк пойдет, – всхлипывала. – А ты спал, как тюфяк! Такой же лежень, как и батя твой!

Отрыдав, положила Гулю в морозилку:

– Похороним в Горовке, – достала кусочек сосиски. – На, и подмани эту скотину рыжую! Только по тихому, что бы никто не видел.

Мне было жалко дружелюбного кота, но послушаться матери я не посмел. Дождался на лестнице и поймал доброго соседского Ваську.

– Пожалеешь, – прошипела мать, выхватывая у меня из рук Ваську и запихивая в посылочный ящик. – Подушку неси, – велела мне.

Я принес подушку, она положила ее на ящик.

– Это чтобы не орал.

– А с ним ничего не будет?

– Эта падла подождет... – потеряла руки, – еще не вечер. Вот завтра как погрузим вещи, так и разберемся...

– А что ты хочешь с ним сделать? – подозревая недоброе, спросил я.

– Узнаешь.

И я узнал, сквозь слезы глядя из окна отъезжающего грузовика, загруженного нехитрыми пожитками, на раскачиваемое ноябрьским ветром рыжее тельце, которое словно поздний лист свисало с балкона на обрезке бельевой веревки.

Почки

– Дети, – сказала учительница, оторвавшись от рассматривания готовящегося зацвести сада за окном, – мы должны помочь Родине...

– Опять? – не понял я.

– Да, Костромин, опять. Родине надо помогать постоянно, а не от случая к случаю. Это называется патриотизмом. Итак, дети, стране нужны лекарства, поэтому необходимо собрать березовые почки и сдать их. Вопросы есть?

Я поднял руку.

– Да, Костромин?

– Лекарства, – начал осторожно подбирать слова, – они же это, ну...

– Ну? – подбодрила Ирина Сергеевна.

– Денег стоят...

– И? – нахмурилась.

– Нам за почки заплатят?

– Ужас! – всплеснула руками. – Как можно быть таким меркантильным? Люди болеют, а ты на них нажиться хочешь, словно нэпман какой! Тебе не стыдно?

– А продавать лекарства больным не стыдно? – обиженно спросил я.

– Ты не сравнивай свои несчастные почки с государственными лекарствами!

– Мы когда шкурки кротовые сдавали, – поддержал меня друг Андрей – Пончик, – то нам деньги заплатили...

– Дети, – Ирина Сергеевна постучала указкой по столу, – не берите пример с Костромина и Родионова! Берите пример с пионеров-героев. Думаете, Марат Казей¹ требовал денег за подвиг? Павлик Морозов требовал денег за подвиг? Владик, как ты думаешь, Павлик Морозов² требовал денег, разоблачая отца?

– Я откуда знаю? Может и требовал.

– Как же родителям с тобой тяжело, – вздохнула Ирина Сергеевна. – Такие приличные люди и такой сынок. И твоим, Андрей, тяжело, – замолчала, осматривая школу.

В одной комнате занималось сразу три класса: первый, второй и третий. Такая вот школа была в нашей деревне.

– Хорошо, – встала и потянулась, снова посмотрела на весну за окном, – за почки вам дадут деньги. Довольны?

– Да, – нестройно прогудели мы.

– Но учтите, каждый должен сдать не меньше килограмма почек! Кто принесет меньше, тот будет считаться подкулачником и пособником империализма! Вам понятно?

– А кто больше? – спросил я.

– Кто наберет больше всех, тот получит красный вымпел. Переходящий... Всем все понятно?

– Да.

¹ Марат Иванович Казей (29 октября 1929 года, деревня Станьково, Койдановский район, Минская область, БССР, СССР – 11 мая 1944 года, деревня Хоромицкие, Узденский район, Минская область, БССР, СССР) – белорусский и советский пионер-герой, юный красный партизан-разведчик, Герой Советского Союза (посмертно). https://ru.wikipedia.org/wiki/Казей,_Марат_Иванович

² Павел Трофимович Морозов (Павлик Морозов; 14 ноября 1918, Герасимовка, Туринский уезд, Тобольская губерния, РСФСР – 3 сентября 1932, Герасимовка, Тавдинский район, Уральская область, РСФСР, СССР) – советский школьник, учащийся Герасимовской школы Тавдинского района Уральской области, в советское время получивший известность как пионер-герой, противостоявший кулачеству в лице своего отца и поплатившийся за это жизнью. https://ru.wikipedia.org/wiki/Морозов,_Павел_Трофимович

– Тогда все свободны, на сегодня занятия закончены, – подхватила портфель и ушла.

– К зоотехнику пошла, – тихо сказал Пончик.

– Угу.

Все тихо, чтобы не услышали в бухгалтерии, разошлись.

– Деньги – это хорошо, – рассуждал Андрюха, шагая за мной. – Надо набрать побольше.

Пошли в лес?

– Не могу. Если Егоровна (мать учила нас обращаться к ней по имени-отчеству) узнает, то удавит.

– Строгая она у вас, – с благоговением сказал Пончик, которому тоже не раз от нее перепадало. – По деревне столько не соберем.

Я задумался. До слов Пончика дело казалось не сложным. По деревне в два ряда вдоль дороги тянулась защитная лесопосадка и берез в ней было много.

– Почему не наберем? Возле нас берез полно, вон сколько сока собрали.

– Вот ты, приезжий, – Пончик постучал меня по лбу. – У них ветки высоко, прыгать будешь за почками?

– А если залезть на нее?

– Неудобно, ветки высоко, ствол толстый – не ухватишься.

Мы прошли «конторский» сад и вдоль улицы поспешили к нашему саду.

– Остальные тоже будут собирать, – продолжал Пончик, – они сейчас все низкие березки обдерут.

– Почки легкие, на килограмм много надо, – зайдя в посадку, сказал я.

– И не говори, – Андрей почесал затылок. – Можно камешков наложить.

– Если проверять будут?

– Скажем, что случайно...

– Как случайно?

– Давай песка насыплем, скажем, что испачкали, когда собирали.

– Песок легкий, – я смотрел на белеющие стволы. – Лучше мы их в воде подержим.

Скажем, что мыли.

– Мокрое тяжелее, – обрадовался Андрей. – Собираем?

– Давай.

Свернув из тетрадных листов кульки, мы начали обдирать липкие клейкие почки. Дело оказалось не такое простое: приходилось прыгать; почки из кулечков постоянно высыпались и мы порядком устали.

– Как думаешь, есть тут килограмм? – тоскливо посмотрел в свой испачканный кулек Пончик.

– Не знаю, – я взвесил кулек в руке. – В моем точно нет, а твой такой же. Можно дома взвесить, я знаю, где у Егоровны безмен.

– Она ругаться не будет? – после выпитых материных духов и последовавшего за разоблачением скандала Андрей чувствовал себя в нашем доме неуютно.

– Она же не узнает.

– А Пашка?

– Он из-под стола не увидит.

Была у Пашки привычка. Спрячется под столом в прихожей и норовит якобы невзначай под стулом, на котором сидят, прошмыгнуть. А то вдруг метнется, нырнет мимо ног, выскочит на веранду и поминай, как звали. Из-за свисавшей почти до пола скатерти, украденной отцом в столовой Пеклихлебов, его было не видно, и он часто подслушивал разговоры матери с подругами.

Пришли домой, на кухне взвесили кульки.

– У вас кантырь сломанный, – возмутился Пончик. – Мало показывает!

- Это набрали мы мало, – задумался я. – Что делать? Так надо весь день почки рвать.
- Чего рвать? – донесся голос из-под стола.
- Почки мы собираем, – объяснил я.
- Чьи?
- Березовые...
- Зачем? – из складок скатерти блеснули стекла очков.
- Нам денег за это дадут, – похвастался Пончик.
- Много?

Мы переглянулись.

– Не знаю, – растерялся Пончик.

– Обманут вас, – с совершенно мамкиными интонациями донеслось из-под скатерти, – дуралеи вы.

- Сам ты дуралей, – обиделся Пончик.
- А ты падла! – не остался в долгу Пашка.
- Сам падла! – Андрюха пнул скатерть, угодил в ножку и сдавленно зашипел от боли.
- Хватит! – прекратил я склоку. – Придумал! Павел, вылезай.
- Зачем?
- Вылезай, идея есть. Поможешь нам.

Брат ловко вынырнул и устался на нас, как сонная черепаха из панциря.

- Мы надерем почек с яблонь.
- Зачем? – не понял Андрюха. – Принимают же березовые.
- Для веса. Смешаем их, Сергеевна не разберет. Она городская, не понимает в деревьях.
- Толково! – обрадовался друг.

На яблони в нашем саду мы лазили постоянно, тут трудностей не было.

- А ты, Павел, будешь снизу их в авоську собирать.
- А деньги? – стекла очков жадно блеснули.
- Когда сдадим.
- И мне дадите?
- Поровну поделим.
- Поровну?
- По честному, – заверил я.

Почти до самого вечера обдирали яблони, и хотя устали и перемазались, набрали целую авоську и еще кучу на газете.

- Вымпел наш! – ликовал Пончик.
- И деньги, – пересчитывал почки Пашка.
- Знаете, что надо сделать? – снова осенило меня.
- Что? – Пашка и Андрей выжидательно смотрели на меня.
- Продать их.
- Мы для этого и надрали, – не понял Андрюха.
- Не учительнице, а остальным!
- Зачем?
- Никто же подкулачником быть не хочет...
- А надрать с яблонь никто не додумается, – продолжил мою мысль Пончик.
- И никто не знает, сколько денег будут за них давать, значит, мы можем продать свои!
- А сами?
- Завтра еще надерем, сад большой.

Я обзвонил школьников и тихо, чтобы не услышала пришедшая с работы мать, поющая песни на кухне, назначил встречу. Уже темнело, когда на карьере возле старого комбайна, где

ждали с поля коров, мы распродали почки. Деревенские дети, мнившие себя хитрецами, «Тома Сойера» не читали, поэтому были легко облапошены нашей троицей.

– Неплохо, – Пашка перебирал доставшиеся монетки. – Завтра еще надерем.

– Думаете, – Андрюха задумчиво смотрел на свет, загоровшийся в деревенских окнах, – будут еще брать?

– Вымпел все хотят.

– Падлы! – дополнил Пашка.

Весь следующий день ушел на почки. Набрали еще больше. Охваченные азартом школьники потрошили копилки и волокли монеты нам. Пашка важно отмерял безменом, мы заворачивали в газеты.

– Как золотая лихорадка у Лондона, – сказал я, глядя вслед последнему покупателю.

В понедельник парты были завалены свертками.

– Здравствуйте, дети, – входя, поздоровалась Ирина Сергеевна. – Это что? – растерялась она.

– Почки, – важно сказал Коля Фролкин, мальчик на год нас с Андрюхой младше, – как вы говорили.

– Так много? – Ирина Сергеевна в растерянности прошла по комнате. – Где вы столько набрали?

– В лесу, – ответила наша одноклассница Танька.

– Правда, чего это я? – Ирина Сергеевна вернулась к доске. – Молодцы, дети! Умеете же, когда постареетесь! Даже Андрей с Владом принесли!

– Что мы, рыжие что ли? – обиделся Пончик.

– Да, конечно, – учительница посмотрела на мои рыжие волосы, – вы тоже молодцы.

– Деньги нам когда дадут? – спросил Коля, купивший у нас почек на два с половиной рубля.

– Сейчас все взвесим и получите деньги.

Весы из бухгалтерии принесла мать. Поставила на учительский стол, с подозрением осмотрела детей и ушла. Ирина Сергеевна написала на доске наши фамилии и начала взвешивать почки, записывая вес напротив фамилий. Дети напряженно следили за ней.

– Вы Ленке лишнее записали! – громко сказала Танька.

– Почему лишнее? Все правильно.

– Лишнее!

– Хорошо, перевесим, – Ирина Сергеевна вернула сверток на весы. – Видишь? Все верно.

– Показалось, – Танька обиженно отвернулась.

– Итак, – учительница посмотрела на доску, – победителем становится... Коля у нас становится победителем! Молодец, Коля! Дети, берите с Коли пример, Коля – будущий пионер! – она захопала, но дети не поддержали.

– Что такое? Почему не хлопаете?

– Он песка насыпал, – наябедничала Танька.

– Коля, это правда?

– Я... я... Я хотел... да, – заплакал Коля.

– Пионера-героя из тебя не получилось, – сверток Коли был отложен в сторону. – Завтра родителей в школу! Кто еще обманул? – обвела нас грозным взглядом.

Все молчали.

– Тогда победителем становится... Леночка, – Ирина Сергеевна посмотрела на Таньку.

– Она камней подложила! – снова наябедничала Танька.

– Предательница! – Ленка врезала подружке в глаз.

Танька вцепилась ей в волосы и трепала, как собака куклу. Дети галдели, подбадривая дерущихся. На шум заглянула моя мать. Пройдя мимо растерянной Ирины Сергеевны, вlepила драчуням по могучей оплеухе, разом прекратив драку.

– Вы чего шумите? Не в зоопарке! – обведя всех внимательным взглядом, мать ушла.

– Вижу, дух честного социалистического соревнования вам чужд, – Ирина Сергеевна медленно села, – поэтому победителя определять не будем.

– А деньги? – в повисшей тишине не выдержал Коля.

– За песок?

– Так не честно! Там не все песок! Дайте хотя бы за половину!!!

– Нет, Коля, и не надо на меня кричать. Садись, двойка тебе по поведению!

– За что?

– В четверть!

Коля сел и снова заплакал.

– Деньги вы получите, – подумав, успокоила Ирина Сергеевна, – все, кроме Лены и Коли.

И Татьяны.

– А меня за что?! – вскинулась Танька.

– За драку. Кто поможет донести пакеты?

– Куда нести? – спросил Пончик.

– В заготконтору.

– Мы поможем, – вызвались мы с Пончиком и одноклассник Коли – Витя Пронкин.

Ирина Сергеевна подхватила отложенные свертки Коли и Лены. Сообща донесли почки до заготконторы, сгрузили на большой стол.

– Идите в школу, я догоню, – велела Ирина Сергеевна.

– Как думаете, много дадут? – спросил Витя.

– Сколько-то дадут, – подмигнул мне Пончик, позвякивая монетками в кармане.

– Угу, – согласился я, прикидывая, что и так уже неплохо заработали на почках.

Ирина Сергеевна выдала деньги из расчета пять копеек за килограмм, не сказав про судьбу почек Коли и Лены. Коля потребовал вернуть деньги за купленные у нас почки, но получив от меня удар в нос передумал. Больше почки собирать нас не заставляли.

Кислица

Начало мая выдалось просто чудесным: тепло, солнечно, свежие листья струятся из веток.

– Дети, – прохаживаясь вдоль строя на внеочередной линейке, сказал Алексей Михайлович – директор школы, – в честь праздника Победы в РОНО принято решение провести военную игру «Зарница», – замолчал, с ожиданием глядя на нас.

Строй молчал.

– Ура, – негромко подсказала стоящая на правом фланге завуч.

– Ура! – послушно грянули мы.

Эхо заметалось в коридоре, отскакивая от увешанных стендами стен.

– Будут сводные команды от четырнадцати школ, мы выставим две...

– Ура, – снова подсказала завуч.

– Ура! – эхо скакало, оконные стекла дрожали.

– Вы должны победить!!!

Завуч захлопала, мы вслед за ней.

– Вопросы есть? – когда отзвучали аплодисменты, спросил директор.

– Да, – Андрюха Пончик, бывший моим другом до того, как остался на второй год, поднял руку.

– Да, Родионов?

– Что мы должны делать?

– Там ничего сложного, – Алексей Михайлович стал загибать пальцы, – бег по пересеченной местности, тропа разведчика, установка палатки, разжигание костра, стрельба из пневматической винтовки и так еще, по мелочам.

– А где будут играть?

– В районе Святого колодца. Еще вопросы?

– Кого в команды возьмут? – спросил мой одноклассник—второгодник Вацик Кострожегов по кличке Череп.

– Списки я составил, классные руководители вам сообщат. Еще вопросы?

– Я буду в команде? – снова спросил Пончик.

– Андрей, а в чем из перечисленного ты силен? – Алексей Михайлович остановился напротив Андрюхи.

– Ну...

– Вот ты и ответил на свой вопрос. И куришь ты много, бегать быстро не сможешь. Младший Шеппе с Костроминым точно войдут, – директор посмотрел прямо на меня. – Им по лесам скитаться не привыкать.

Стало понятно, что Михалыч нас не простил за тот случай, когда мы с немцем Володькой Шеппе сбежали с картошки и, заблудившись, двое суток ходили по лесам³.

– Еще вопросы?

Строй молчал.

– Тогда всем спасибо за внимание. Разойтись по классам.

Назавтра поутру мы собрались в заросших лесом глубоких оврагах. Полдня беготня по лесам, оврагам и перелескам с планом местности, отмечая печати на контрольных пунктах.

– Интересно, нас кормить будут? – спросил Володька Шеппе.

– Тебе бы только пожрать, – я поправил на плече постоянно съезжающий деревянный автомат. – Нам выиграть надо, вся школа смотрит.

³ См. рассказ «Кино и немцы».

- Игры это все, – презрительно плюнул под ноги немец.
- А если бы на самом деле война была? – спросил Вацик.

Как и за что он попал в команду, было не понятно никому. Видимо, директор так решил пошутить.

- На войне обед по расписанию, – отозвался Шеппе.

– Это у вас, немцев, по расписанию был, поэтому мы вас и победили! – весело припечатал Вацик.

– Сам ты!.. – Володька сорвал с плеча автомат и едва не заехал увернувшемуся Черепу по черепу.

- Хорош вам! – я удержал немца. – Из-за вас мы проиграем.

- Жрать охота, – почесал живот Володька.

– Во ты нытик. Смотри, – я на ходу сорвал широкие листья, – это черемша. Жуй, – протянул ему. – А вот это, – сорвал другую, – кислица. Кушай на здоровье.

- Вкусно, – Володька жевал, словно жираф.

- Тут на «подножном корме», как партизаны, жить можно, – я сорвал кислицы и себе.

Володька сорвал нежный лист подорожника и прежде чем я успел остановить, проглотил. Я промолчал, вспомнив, как он перепутал ампулы в коллекции⁴.

Добрались до стоянки, оказавшись вторыми. Пока мы с Черепом осматривали предстоящую «тропу разведчика», Шеппе общался с ребятами из других школ, что-то увлеченно рассказывая и срывая траву. Когда собрались все команды, то Володька куда-то запропастился. Ставить палатку нам пришлось вдвоем. Палатку и я и Вацик видели первый раз в жизни и с треском провалили испытание.

– Где фашиста носит? – кусал губы Череп, наблюдая, как соперники ловко ставили палатку. – Проиграем из-за него!

- Да ладно, он то чем виноват?

- Он же приезжий, вдруг умеет палатку ставить? Может они, немцы, все умеют?

- Я откуда знаю? – пожал я плечами.

Не в пример нам, другие участники со шнурами и колышками справлялись лучше.

- Проиграем! – едва не заплакал Вацик.

Кожа на его лице натянулась еще сильнее, целиком оправдывая кличку.

- Не корову проигрываем, успокойся.

Откуда-то из кустов вынырнул Шеппе с позеленевшим лицом.

- У вас газеты нет? – страдальчески спросил немец.

- Нет, – сказал я, а Вацик набросился на Володьку:

- Где тебя собаки давят?

- У меня это... живот от вашей кислицы прихватило, ой, – ломанулся обратно в кусты.

Мы с Черепом изумленно переглянулись.

- Что русскому хорошо, то немцу смерть, – вспомнил я бабушкину мудрость.

- Что делать? – спросил Вацик.

- Я откуда знаю? Вдвоем придется...

Не пришлось. Пока наступило время «тропы разведчика» многие команды не досчитались участников, по примеру наивного немца наевшихся разной травой. К вечеру «Зарница» была сорвана окончательно, участники разъехались по домам. А нас троих за нечаянную диверсию опять исключили из школы.

- Так бы мы выиграли, – говорил всем расстроенный Вацик, – но вот не получилось...

⁴ См. рассказ «Кино и немцы – 3».

Гусь

Я спокойно подтягивался в саду на турнике, никого не трогал, когда прибежал запыхавшийся и всклокоченный Пашка.

– Влад, мы гуся поймали!

– Какого гуся? – я спрыгнул с перекладины.

Брат был великим путаником и вполне мог спутать гуся и поросю.

– Большого! – глаза Пашки бешено метались за толстыми стеклами очков с перемотанной синей изолентой оправой. – Матерого!

Где вы его поймали? – я на всякий случай оглянулся. После истории с черной курицей следовало быть бдительным⁵.

– В заборе застрял, падла! – добавил Пашка любимое слово матери. – А мы с Шуриком заметили.

Расторопный паренек Шурик по кличке Моргуненок был его лучшим другом и верным соратником во всех проказах.

– И что дальше?

– Его достать надо...

– Достаньте.

– Не можем, он шипит... Вдруг, укусит? Батя говорил, что они кусаются больно.

– Ясно, веди.

Гусь, сердито шипя, застрял меж штакетин за кустами ежевики.

– Капусту вашу хотел сожрать, – радостно сообщил Моргуненок, хлеща птицу прутиком по серым перьям спины.

Гусь изогнул шею, тревожно рассматривая меня.

– Паш, неси мешок, – сказал я, прикидывая, как ловчее подступится. Клюв гуся внушал уважение. – И топор захвати.

– Рубить будешь? – деловито спросил Шурик. – Голову мне отдашь?

– Зачем тебе голова?

– Засушу и буду Мишку пугать, чтобы не кричал.

Мишка – младший брат Моргуненка, тихий черноглазый малыш и я ни разу не слышал, чтобы он кричал.

– Заикой станет.

– Думаешь? – Шурик почесал затылок. – Это же пенсию ему дадут?

– Заикам не дают. Вроде... – насчет заик я сам толком не знал.

Прибежал Пашка с мешком, разделочной доской и топором.

– Доска зачем? – спросил я.

– Под шею подложишь, когда рубить.

– Я не буду рубить.

– А зачем топор? – удивился Пашка.

– Чтобы вытащить гуся. Вы держите края мешка, – я надел на тело гуся мешок, – а я оторву штакетину.

– Он не вырвется? – тревожно спросил Пашка.

– Как держать будете. Как только голову вытащит, накрывайте мешком. Ясно?

– Ясно, – дружно закивали негодники.

Я осторожно отжал штакетину. Гусь, рванулся к свободе и ущипнул Моргуненка.

– А-а-а!!! – закричал укушенный, бросив мешок.

⁵ См. рассказы «Бойлер—2», «Бойлер – 3»

Гусь было дернулся, но Пашка был начеку. Ударив ногой гусака, ловко спеленал его в мешок.

– Поймал! – попытался потрясти мешком. Сил поднять не хватило, но брат ликовал.

– Он меня укусил, – сморщился Шурик. – А если он бешеный?

– У гусей бешенства не бывает, – я заколотил штaketину на место и отдал топор Пашке. – Давай мешок, понесу.

– Тяжелый, – приплясывал рядом брат. – Много мяса. Куда его несешь?

– В клетку посажу.

– А рубить?

– Батя с мамкой придут, пускай решают, что с ним делать.

Длинная клетка из мелкой сетки, где-то украденная отцом, стояла во дворе под яблоней рядом с прудиком, в котором отец третий год мечтал развести карасей. Закинул гуся в клетку и пошел к турнику. Шалопаи остались, просовывая прутик сквозь сетку и дразня плененного гуся.

К вечеру разжег костер – варить свиньям. Стоял во дворе металлический обод от тракторного колеса, с вырезанным сбоку отверстием для дров. На него ставилась высокая сорокалитровая выварка из нержавеющей стали. Две таких выварки на автозаводе изготовили по указанию Леонида Филипповича. И вот в любую погоду: в снег и дождь, в грозу и вёдро, град и буран, приходилось мне разжигать огонь под вываркой и, постоянно подбрасывая дрова, караулить, пока вода закипит. Даже падающие с неба камни не могли освободить от этой обязанности. Когда вода закипала, засыпал туда комбикорм и заваривал, помешивая длинной узловатой палкой. Потом снимал и ставил следующую выварку. А дальше надо было в большом чугушке с дыркой от пули картошки сварить для поросят.

Пашка сидел на пенке напротив клетки и смотрел гуся в глаза.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Я его дреслую.

– Чего?

– Как в цирке кошку.

– Дрессируешь, что ли? – дошло до меня.

– Во, точно! Дрессирую. Смотри, – Пашка повел головой вправо, склоняясь к клетке.

Гусь уклонился влево. Пашка сдвинулся влево – гусь скользнул вправо.

– Видел? – довольный Пашка повернулся ко мне.

Гусь кинулся на сетку, пытаясь ущипнуть брата, но не смог. За этим нас и застала мать.

– Вы что делаете, падлы? – ласково спросила она. – Совсем от безделья опухли? Павел, что ты вытворяешь?

– Я гуся дрессирую, – боязливо похвастался брат.

– Тебя самого дрессировать надо. Зикаешь по деревьям, как обезьяна шелудивая.

– Ничего я не зикаю.

– Не пререкайся с матерью! Молод еще голос повышать! Не дури мне мозги! Мозги ты гуся будешь дурить! Откуда в клетке гусь?

– Он в заборе застрял, мы с Моргуненком его нашли.

– Значит, Моргуненок, падла кривоногая, про него знает? – нахмурилась мать и перевела обвиняющий взгляд на меня. – А ты куда смотрел?

– А что я?

– А то, что только пререкаться можешь! Я вас зачем рожала?

– Зачем?

– Чтобы было кому воды подать на старости лет, а вы, охламоны, с гусями тешитесь!

– Что вы мать доводите, компрачкосы? – над забором, словно голова Несси из темных вод Лох-Несса, показалась лысеющая голова отца. – Мало я вас в детстве порол, паршивцы. Могу добавить.

– Посмотри, Вить, – повернулась к нему мать, – гуся откуда-то притащили.

– Жирный? – звучно сглотнул слюну отец.

– Моргуnenок видел...

– С вами в разведку не пойдешь, – расстроился отец. – Что теперь с гуся проку?

– Я его дрессировать буду...

– Ты это, того, не хулигань. А как дрессировать собираешься?

– Смотри.

Пашка и гусь показали весь набор трюков.

– Ишь ты! – удивился отец, прошел в калитку, уселся на пень, на котором я рубил дрова, прикурил от костра «приму». – А еще так можешь?

– Могу.

– Показывай! Потешь почтенную публику, – ласково погладил себя по животу. – Монти-гомо, Ястребиный глаз.

– Сумасшедший дом! – всплеснула руками мать. – Что старый – дурак, что малый – придурок.

– Егоровна, гляди, – рассмеялся отец, – прямо, как Куклачев. А? – повернулся ко мне за поддержкой.

– Угу, – поддержал я. – Олег Попов.

– Ну вас, холеры, – мать ушла в дом.

До самой темноты Пашка развлекал довольного отца.

– Жалко, что Моргуnenок видел... – задумчиво сказал отец, когда пошли в дом. – А ты молодец, – ласково погладил Пашку по макушке, – хорошую штуку придумал. Весь в меня. Вот если бы тебя Уолт Дисней придумал, то тебя бы звали Костромаус, ха-ха-ха, – отец громко захохотал.

Лягушки в пруду возле дома главного инженера от этого хохота перестали квакать.

– А если бы тебя придумал математик, – отсмеявшись, продолжил отец, – то тебя бы звали Костроминус, ха-ха-ха.

От хриплого хохота задрезжала посуда на кухне.

– Вить, тебе лечится пора! – крикнула из спальни мать.

– Не мешай, я детей воспитываю, – отмахнулся отец и снова принялся за нас. – Но вас родил я, а от осинки не родятся апельсинки, ха-ха-ха.

– Сам дурак и дети такие же, – сказала мать.

– А вот если бы мы в Грузии жили, знаете, как бы нас звали?

– Нет.

– Костромоджоба, ха-ха-ха! – хлопнул по столу. – Звучит?

Мы молчали.

– А вот в Чехии нас бы звали Костромидло. В Латвии Костромавиучкас, ха-ха-ха. В Литве – Костромайтисы, а в Эстонии Костромынусы.

– А в Японии? – спросил Пашка.

– Что в Японии?

– Как бы нас звали в Японии.

Отец задумался.

– Кострома-сан, – наконец выдал он.

– А в?.. – снова открыл рот Пашка.

– Хватит чушь всякую спрашивать, бездельники! – папаша вскочил и ушел на диван.

Среди ночи меня разбудил отец.

– Тихо! – зажал мне рот широкой ладонью, – одевайся, пошли.

Мы вышли во двор.

– Дело есть, – закурил отец, усаживаясь на широкую лавку под верандой. – Надо гуся оприходовать.

– Как?

– Сейчас свернем ему шею, а Пашке утром скажем, что гуся украли. Он Моргуненку так и передаст.

– Жалко...

– Кого? Моргуненка?

– Гуся...

– Стратегически надо мыслить! Меня ведь знаешь, как мамка ваша подманила? – светлячок сигареты вспыхнул ярче.

– Как? – спросил, с трудом сдерживая зевоту.

– Гусиными потрошками жареными да под маринованные огурчики, – было слышно, как отец сглотнул слюну. – И бутылка «коленвала» холодной да лучок зеленый... Подумай только, если бы не потрошка гусиные, то тебя бы не было на свете.

Я молчал.

– И братика твоего бы не было, – отец затушил окурок и встал. – Пошли за дичью, Федя. Может, сестричка появится у вас...

Под покровом мрака, разбавленного слабыми бликами фонаря, висящего на столбе с другой стороны дома, отец умело придушил несчастную птицу.

– Рано утром, пока младшОй будет спать, ощиплешь. Перья под яблоней закопай, чтобы наш дрессировщик ничего не узнал. Гуся сдашь мамке.

– А что скажем Пашке, когда есть будем?

– Скажем, что я на охоте утку подстрелил. Пашка все равно не отличит, – отец всучил мне остывающую тушку. – Распишись-ка в получении. Братец твой тот еще гусь. Вот увидишь, будет лопать гуся за милую душу, – и пошел спать.

Корттик

Однажды с Андрюхой по кличке Пончик в леске небольшом, но диком, произраставшем между общежитием для городских «шефов» и его домом, нашли мы старинный кинжал, черенный серебром.

– Прямо как в кино! – восхитился Андрюха, рассматривая находку. – Настоящий кортик!

– Похож, – согласился я. – Что будем делать?

– Взрослым показывать нельзя, отнимут, – воровато оглянувшись, сказал друг. – Надо спрятать.

– Куда?

– Давай у вас на сеновале. Там никто не найдет.

– Давай. Только надо маслом смазать, чтобы не ржавел.

Я спрятал клинок под рубахой, за ремнем брюк, и мы пошли через всю деревню к нам домой. На подходе меня осенило.

– Давай его отшлифуем!

– А чем?

– На точиле. У бати в мастерской есть круги войлочные и паста ГОИ.

– А можно?

– Пока родители на работе, успеем.

Мы пришли домой. Я взял ключ от мастерской и поручил брату:

– Паш, стань возле калитки и следи. Если батя или мать появятся, то беги к нам. Мы в мастерской будем.

– А что вы там делать будете? – поинтересовался крайне подозрительный брат. – Не взорвете ничего?

– Не волнуйся. Все будет тихо.

Он пошел к калитке, мы в мастерскую. Поставили круг, включили точило, стали шлифовать. А отец подъехал на машине со стороны сада и, идя домой, услышал шум точила.

– А что это у вас такое? – внезапно появился он в дверях. – А?

– Где? – я попытался принять независимый вид, честно глядя в глаза отцу и спрятав кинжал за спиной.

– В руках ты что держишь?

– Кто? Я? Ничего, – я уронил нож, и он воткнулся в земляной пол.

– Покажи руки! – потребовал папаша.

Я вынул пустые руки из-за спины, он внимательно посмотрел на них.

– Странно... – отец развернулся и вышел из мастерской.

– Чуть не засек, – облегченно выдохнул Андрюха, поднимая нож. – Сваливать надо.

– Стоять! – раздался гиппопотамий рев за его спиной, заставивший друга испуганно присесть. – Сюда давай!

Отец подкравшись словно хитрый осьминог к моллюску, незаметно вернулся в мастерскую и теперь увидел скрываемый предмет.

– Спички, как говорится, детям не подружка! – он сгреб кинжал и вышел из мастерской. – А подружка – взрослым! А за точило еще вечером получишь!

– А то еще отрежете себе что-нибудь из ненужного, поросята. Ишь ты, батьку обмануть хотели, – самодовольно бурчал он, ломаясь домой как бешеный баран сквозь кукурузу.

Папаша спрятал отобранный предмет в сейф, а потом, внезапно расщедрившись, через какое-то время подарил кинжал своему отцу – дедушке Володе. Тот сделал для кинжала новую деревянную рукоятку, ножны справил кожаные и пару раз я видел кинжал у него, когда бывал в гостях. А вот после похорон дедушки кинжал куда-то пропал. Не удивлюсь, ежели папенька

стянул назад себе. Хотя, справедливости ради следует сказать, что в сейфе у него я этот клинок не встречал, как, впрочем, и в тайнике, где он хранил газеты порнографического содержания.

Девятое

Вечером восьмого мая я мирно лежал на диване, который до прихода отца, любящего коротать вечера за просмотром телевизора, был в моем полном распоряжении, и читал книгу Станюковича «Вокруг света на «Коршуне». В дверном проеме показалась мать.

– Влад, завтра, подорожника нарвите.

– Зачем?

– Салат сделаем. Еще жуков майских с берез натрусите для курей.

– Куры их не едят.

– Это целых не едят, а если порубить, то клюют за милую душу. А утки и целых глотают.

– Понятно.

– И начешите шерсти с собак – это лучше, чем по яблоням зикать, как обезьяны.

– Зачем нам шерсть? Она же псиной пахнет.

– Отдадим бабушке Дуне, она пряжу спрядет и носки вам, дурням, свяжет, а то от сапог резиновых ревматизм будет.

– А я не могу. Нас учительница заставляет завтра на парад идти.

– Опять в райцентр? – всплеснула руками мать. – И ты молчал?

– Нет, туда больше не поедем. Тут будем ходить, от конторы до общежития и от общежития до клуба.

– А чего ты заранее не предупредил? Тебя же, дурака рыжего, еще собрать надо, а то будешь там, как завшивленный, меня перед людьми позорить! Что люди скажут? Что мать не следит за ребенком?

– Я сейчас говорю.

– Ведешь себя как клошар! – чтение книг Ги де Мопассана и Стендаля не прошло для матери даром. – Другие дети как дети, а вы как два выродка! Один читает все время, а другой из-под стола не вылезит! Задать бы вам скипидару, падлы пантелейные!

– Ничего я не урод, – послышался из-под стола в прихожей обиженный голос Пашки.

– Заткнись ты! – мать, сделав шаг назад, пнула по ножке стола.

Пашка благополучно затаился за свисающей почти до пола скатертью, украденной отцом в столовой деревни Пеклихлебы, где папенька работал помощником агронома.

К вечеру с песней ввалился довольный отец.

– Он не игрушка – он живой. Туду-дуду-дуду, ему не страшен геморрой, туду-дуду-туду-дуду. Его везде и всюду ждут, скажите, как его зовут?

– Вить, хватит уже нудеть! – не выдержала мать.

– Ладно, – согласился отец. – Но нет прекрасней ничего, когда увидишь папу Карло под крышей дома своего, под крышей дома своего, – сменил репертуар.

– Тьфу на тебя! – не выдержала мать. – Владика завтра на парад ведут.

– Какой парад? В Добровке?

– Нет, возле правления ходить будут.

– Это серьезно, – отец скорчил устрашающую рожу и положил мне на плечо тяжелую руку. – День победы не разнузданный балаган с купчинами, гармошками и конфетками – барабочками, – значительно воздел палец, – это праздник всей страны, всего мира! Не подведи меня, паскудник! В день победы по поллитра, по поллитра! Туду-туду-ду, тудудудудуду-ду, туду-ду-ду-ду, ту-ду-дудуду-ду! – снова завелся он.

Назавтра утром я, гордый, пришел к правлению. Галдели грачи на березах, из столовой вкусно пахло.

– Будут кормить из-за праздника, – подошел Андрюха Пончик. – А нам не дадут.
– Как не дадут? – удивился я. – Так же не честно!
– Вот так! – Пончик сунул мне под нос фигу. – Выкуси!
– Я тогда ходить не буду!
– Училка родителям расскажет, мамка тебя убьет.
– Это точно, – вздохнул я. – Егоровна может. А давай мы им отомстим? – осенила мысль.
– Как? – глаза Пончика азартно засверкали.
– Возьмем воды из болота и в борщ нальем. Мамка говорила, что болотную воду в горячую лить нельзя, там микробы заводятся и понос будет. Ее кипятить надо.
– Давай!

Мы нашли на стоянке возле столовой бесхозное ведро. В леске напротив общежития было болотце. Набрали воды, просунули в ручку палку и в обход общежития дотащили ведро до столовой. Подобрались к задней двери со стороны дома Плещеевых.

– Жди тут, – Пончик прокрался по крыльцу, приоткрыл дверь, заглянул, махнул мне рукой.

Я с трудом подтащил ведро. Пробрались в кухню. На раздаче с кем-то ругалась Валька-повариха, жена Сереги Корявого.

– Заодно Вальке насолим, – улыбнулся Пончик.

Бултыхнули ведро в громадную кастрюлю с готовым борщом.

– Никто не заметит, – Пончик зачерпнул с противня котлеты, я схватил полбуханки хлеба.

Выскочили, перебежали дорогу, спрятались в конторском саду. Жадно сожрали добычу.

– Мы как партизаны, – довольно сказал Пончик. – Спрячь ведро, пошли на парад.

Маршировали по асфальту от общежития, мимо столовой и правления, вдоль липовой аллеи до самого клуба. Там развернулись и прошли обратно до общежития.

– Вот они – «высокие чувства»: патриотизм и гордость за Победу, – глядя на наше шествие, патетически заявил отец, звучно высморкавшись в переходящий красный вымпел, который часто таскал вместо носового платка. – Наша Победа над немецко-фашистской Германией во всей красе!

После парада, прихватив ведро, я пошел домой. Многие отравившиеся несколько дней страдали поносом. Медичка заподозрила дизентерию. Мнительная мать несколько дней окуривала дом вонючими травами, чтобы убить микробы.

Доброта

– Раньше люди добрее были, – отец величественно закусывал соленым огурцом бренди «Слянчев бряг», – отзывчивее, как говорится, душевнее. Мы счастливы жить в одно время с вами, дорогой Леонид Ильич, – продекламировал с чувством.

– И не говори, – поддержала мать.

– Ладно, душеполезную беседу провел, апч-хи, – оглушительно чихнул. Плафон под потолком вздрогнул и закачался. – Теперь пора, как говорится, провести процедуры личной гигиены. Валь, что у нас там по графику?

– Надо ногти на ногах постричь, – сказала мать, сверившись с висевшем на стене перекидным календарем, – а то уже за палас цепляются.

– Это верно, – отец степенно встал, – за мной, дети мои.

Переглянувшись, мы понуро потащились навстречу пугающей процедуре. Ногти нам на ногах он рубил зубилом на украденной из кузницы большой наковальне.

– Мне в вашем возрасте овечьими ножницами ногти родитель стриг, – отпирая замок на двери мастерской, разглагольствовал отец. – Ясно, спиногрызы?

– Так точно, – мрачно отозвались мы.

– Ноги показывайте, – уселся на украденный в столовой стул и закурил «приму».

Мы покорно показали ноги.

– Влад, левую клади, – отец указал сигаретой на наковальню – Павел, ножницы, скальпель, пинцет.

– Какой пинцет? – испугался Пашка.

Глаза его бешено заматались за толстыми стеклами перемотанных синей изолентой очков.

– Шучу я, баран, – вздохнул отец. – Как хирург: ножницы, скальпель, – выбросил в открытую дверь окурков, тут же проглоченный петухом по кличке Петроний. – Зубило и молоток подай.

Брат подал с верстака инструменты. Я затаил дыхание. Отец, примерившись, отсек ноготь на большом пальце.

– Вот видите, какой я добрый? – отсекая следующий ноготь, трепался он. – В Новой Зеландии в племени маори вам бы долго пилили ногти острой ракушкой, а тут тюк и готово. Следующую ногу клади, – молоток бодро цокал по зубилу. – А негры какие-нибудь, пусть даже из Анголы, могли бы тебе и ногу на ужин оттяпать. Миклухо-Маклая съели, Кука съели, и вас бы схарчили.

– Кука не всего съели, – осмелился я поделиться прочитанным в книге «Водители фрегатов», – а только нижнюю челюсть и немного мяса.

– Умный очень? – глаза отца по кошачьи сузились и я почувствовал холодное прикосновение к мизинцу. – Вот сейчас рука дрогнет и тебя потом без пальца в армию не возьмут... Так съели Кука или нет?

– Съели, съели, – я торопливо закивал головой.

– Вот видишь, – зубило съехало с пальца. – Высоцкому виднее, чем тебе.

– Ногти собрать не забудьте, – в дверях как приведение возникла мать. – Чтобы порчи на вас, дурачье, никто не навел.

Чурочки

По телевизору тогда показывали тринадцатисерийный фильм «Эмиль из Лённеберги»⁶, быстро ставший популярным в нашей деревне из внешнего сходства сына токаря Толика – Стасика с Эмилем.

– Вить, в этом что-то есть, – задумчиво сказала мать.

– В чем? – отец звучно почесал лоб. – Валь, в кино брехню всякую показывают, – сказал осторожно.

– Не брехню! – вспыхнула мать. – Воспитание, – с подозрением посмотрела на нас с братом.

– Не понял. Предлагаешь закрывать наших сурков в мастерской? Так они только рады будут – завалятся там спать.

– Витя, ты хоть директор, а мыслишь как тот селянин – папаша Эмиля. Закрывать в мастерской, – передразнила она, – какая мастерская?! Им от работы лындать только в радость.

– Что тогда?

– Видел, как раздолбай малолетний фигурки из дерева режет?

– Ну, режет. И что? – на лице отца образовалось недоумение, как на морде бегемота, впервые увидевшего вертолет.

– А то, что наших оболтусов в наказание будем заставлять фигурки вырезать, – мать смотрела победно, словно курица, снесшая яйцо с двумя желтками.

– У них руки под это самое заточены, – отец будто раскусил лимон. – Для фигурок тщательность и терпение нужно иметь.

– Пускай ложки режут. Егор, батя мой, ложки резал и ковши.

– Ложки, пожалуй, осият. Но зачем нам столько ложек?

– На рынке в Добровке можно продать.

– Идея хорошая, но кому они нужны?

– Скажем, что сделали дети из спецшколы и деньги на их кормежку пойдут.

– Валь, а ты тоже иногда соображаешь, – оценил отец. – Редко, конечно, но метко. Слышали, архаровцы? – ласково посмотрел на нас. – Теперь не будете такими разболтанными. Будет дисциплина в доме.

До позднего вечера родители пытались подловить нас на каком-нибудь прегрешении, но мы пугливо выполняли все требования.

– Кто свет в сарае не погасил? – отец вернулся с веранды, куда ненадолго вышел. – Почему рубильник не обесточен? – глаза его впились в меня.

– Я гасил, – пискнул я.

Родители с детства приучили нас к экономии, поэтому свет я гасил всегда.

– Свет горел, – покачал головой отец.

– Мало того, что не погасил, так еще и врет! – возмутилась мать. – Ты наказан! Чтобы завтра же вырезал ложку!

Родители победно переглянулись.

– Я не умею, – уныло сказал я.

– У неумки руки не болят, – отрезала мать. – Что там уметь? Берешь чурочку...

– Брусочек, – перебил отец.

⁶ Эмиль из Лённеберги (швед. Emil i Lönneberga – дословно «Эмиль в Лённеберге») – литературный персонаж, главный герой цикла из шести произведений шведской писательницы Астрид Линдгрэн, впервые вышедших в Швеции с 1963 по 1986 годы. https://ru.wikipedia.org/wiki/Эмиль_из_Лённеберги

– Берешь брусочек и ножом вот так, – мать повернула левую ладонь кверху и пальцами правой стала делать по ней движения, будто выскребала из кастрюли подгоревшую манную кашу. – Понятно?

– Ну... – я ничего не понял, но боялся признаться, чтобы не влетело.

– Не совсем же он debil, – широко зевнул отец. – Есть же в нем что-то от меня.

– Есть, – кивнула мать, – лень комлевая и безответственность.

– Не будем ругаться, – отец погладил меня по макушке. – Влад все сделает как надо.

– Не забудь про ложку, – за завтраком напомнила мне мать.

– Я помню.

– А ты, Павел, учись. Тебя тоже это ждет.

– А что я сделал? – испугался брат. – Я же ничего не делал!

– Пререкаешься с матерью! – отчеканила мать. – Уже достаточно! В наказание тебе вырезать ложку.

Глаза Пашки растерянно заметались за толстыми стеклами перемотанных синей изолентой очков.

– Юные бондари, прочие дела никто не отменял, – напомнил отец, постучав пальцем по столу. – Не успеете, пеняйте на себя – будете наказаны.

Когда родители ушли на работу, мы вышли во двор. Там стоял обод от колеса, в котором мы жгли костер, чтобы варить свиньям.

– Нам нужны брусочки, – вздохнул Пашка.

– Сходим на стройку, найдем.

Строили тогда новую улицу за озером и новый детский сад. Детский сад был ближе. Мы прогулялись мимо стройки, умыкнули подходящий брусочек. Вернувшись домой, распилили по длине. Приложив к бруску алюминиевую ложку, украденную отцом в столовой, я обвел контур угольком.

– Ничего сложного, надо лишнее срезать и все дела.

– Режь, – согласился Пашка, спрятав руки за спину.

– Сейчас, – я взял топор, упер брусочек в пень и начал стесывать лишнее.

Пашка, изогнувшись, навис надо мной сбоку, заглядывая под топор и беззвучно шевеля губами.

Вскоре мне надоело, я уселся на пень, поставил брусочек меж ног и снова пустил в ход топор. Наказание за небрежность не заставило себя долго ждать. Топор стесал ноготь и кожу с левого мизинца. Вскрикнув, уронил брусочек.

– Палец отсек! – ахнул Пашка и попятился.

– Да нет вроде, – слабым голосом отозвался я, глядя на хлещущую кровь.

– Умереть можешь. Ты мне ножик тогда оставишь?

– С чего вдруг?

– Ты же помрешь...

– Думаешь?

– Вон у Моргуnenка дед Демьян один раз палец уколол и помер... Надо на палец пописать, – вспомнил заветы матери Пашка.

– Сейчас, – я последовал совету, смывая мочой кровь. – Вроде палец на месте...

– Это хорошо, – серьезно кивнул Пашка, – а то без пальца в армию не возьмут. Что будем делать?

– Примотаем бинтом, прирастет.

– Прирастет, – согласился брат, – у меня же прирос, когда ты откусил⁷.

⁷ См рассказ «Еще немного икры»

Перебинтовавшись стиранным бинтом, который мать то ли выпросила, то ли украла у медички, я снова взялся за ложку, но теперь был осторожен и резал ножом. Как ни осторожничал, еще несколько раз сильно порезался. К вечеру две кривые ложки, перепачканные кровью, рассматривали родители.

– Дебилы, – выдал отец и выбросил ложки в костер.

– Ты чего? – дернулся было я спасти свое творение.

– Вы их из сосны вырезали, кто ими есть будет?

Мы с Пашкой растерянно переглянулись.

– А почему нельзя из сосны? – робко спросил Пашка.

– Там же смола, – отец звучно постучал Пашку пальцами по лбу. – Соображать надо!

– Надо было березовые чурочки брать, ленивцы, – вздохнула мать.

– Я же говорил, что брехня это все.

– Ты сам как пень! – вскинулась мать. – И эти два, как чурочки! Ну вас! – пошла в дом, громко хлопнув дверью на крыльце.

Том Соьер

«К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мыла, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, чертенок от ножа, четыре куса апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отлично провел все это время, ничего не делая и веселясь. А забор был покрыт известкой в три слоя! Если б у него не кончилась известка, он разорил бы всех мальчишек в городе» – дочитав, я закрыл книгу. – Прикинь как интересно, – посмотрел на Пашку. – Он забор красить не хочет, а ему дураки за это разные вещи отдают.

– И что? – Пашка поправил на переносице очки, перемотанные синей изолентой.

– Что непонятного? Том красит забор и не хочет красить. Мимо идут дураки. Они хотят красить забор, и дают за это разные вещи. Что непонятного?

– Почему они хотят красить забор?

– Ну... – я задумался. По правде, этот момент мне тоже был непонятен.

– Если Том не хочет красить, почему этот, – брат открыл записную книжку и прочитал, – Бенброджерс отдал ему яблоко?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Но, с другой стороны, – рассуждал Пашка, – в книжке же брехать не будут?

– Вроде нет...

– Давай и мы так попробуем.

– Забор покрасить? – я задумался. – Забор на дорогу выходит, по ней шляются все. Дураков у нас в деревне много. Если начать красить, кто-нибудь да увидит...

– И попросит покрасить? – глаза Пашки загорелись жадным огнем.

– Посмотрим.

– Надо бы нам забор покрасить, – будто невзначай сказал я за ужином.

– Забор? – отец уставился на меня такими глазами, будто увидел говорящий стол. – Покрасить?

– Перегрелся, – мать встала с табурета, подошла, положила ладонь на мой лоб, – напекло на солнце. Говорила же, надо шапку носить! Вон Пашку, небось, не напечет.

Брат носил кепку с накладными кудрями, оставшуюся от костюма львенка.

– Валь, погоди. Так что ты там про забор?

– Покрасить... надо... – смутился я.

– Дурь, – мать вернулась на табуретку, – никто заборы не красит.

– Лобаниха говорила... – внезапно пришел мне в голову аргумент. Мать постоянно соперничала с соседкой – женой отцовского водителя Кольки Лобана.

– Лобаниха?! Вот же сплетница! – мать хлопнула ладонью по столу. – До всего ей дело есть!

– Физиономия нелицеприятная, – согласился отец. – Внушающая определенные опасения.

– Вить, а Вить, надо забор покрасить...

– Мне некогда, – отец отхватил шмат сала, и начал ожесточенно жевать. – Сама покрась.

– А мне есть когда?! – всплеснула руками мать. – Ношусь тут с вами, как ворона с сорокопутами!

– Мы можем покрасить, – пискнул Пашка.

Мать замолчала, отец перестал жевать.

– Что? Ты? Сказал? – отец, по-удавьи протянувшись по столу, навис над Пашкой.

– Мы покрасить можем...

– Валь, ты слышала? – отец вернулся к салу. – МладшОго тоже напекло. Этот клоп и тот готов покрасить, а у тебя времени нет.

– Вот пусть и красит. И только попробуйте не покрасить, падлы!

– А краска? – спросил я.

– С краской и дурак покрасит, даже батя ваш бы справился. Ты покрась без краски.

– Прояви смекалку, – отец погладил меня жирной рукой по голове, вытирая ее. – Я в вашем возрасте краску у родителей не клянул. Мозгами работайте, дети мои.

Мозг мой после такого напутствия усиленно заработал.

– Надо на стройке взять, – сказал я, когда мы с Пашкой ночью шарились по деревне, присматриваясь, чей забор утащить на дрова. – Там же должна быть краска?

– А строители? – пугливо оглянулся брат.

– Дверь подопрем, они не выйдут. А где склад, я видел.

Мы подошли к строящемуся детскому саду. Тихо подкрались к вагончику, в котором жили когда-то обворованные нами строители⁸, подперли дверь подходящим брусом. В темноте нашли какие-то жестяные банки. Довольные, поволокли добычу домой.

– Ну что, маляры – обойщики? – подтрунивал над нами отец, хлебая чай за завтраком. – Нашли краску?

– Да.

– Где?

– В детском саду...

– Не своруешь – где возьмешь? – похвалил он. – А красить чем думаете?

– Руками? – насторожился Пашка.

Отец присвистнул.

– Витя, не свисти – денег не будет! – вскинулась мать.

– С такими наследниками у нас денег не будет, хоть свисти, хоть не свисти, хоть ложись да помирай. – Коньяк «Белый аист» в чае сказывался – отца тянуло поговорить.

– Не каркай! – оборвала мать. – Не хватало еще тебя хоронить. И так денег нет, а там и на гроб, – начала загибать пальцы, – и на поминки и на музыкантов и на плакальщиц.

– Музыканты мне не нужны, – кочевряжился отец. – Я меньше чем на Муслимушку не согласен. Ну, или, на худой конец, Колу Бельды. Увезу тебя я в тундру, увезу тебя я в чум, – загомосил он.

– Вить, не ной, без тебя тошно.

– Хорошо, если вы не цените прекрасное, я умолкаю, – отец встал из-за стола и раскланялся. – Не стоит аплодисментов, удаляюсь на работу. Влад, пошли, выдам вам, раздолбай, кисточку, от щедрот своих оторву. Помните батькину доброту.

Мы пошли в мастерскую.

– Как знал, специально на заводе прихватил, – протянул мне большую круглую кисть. – Есть еще поменьше, – показал, – но вам и такой хватит. Если умудритесь не поломать за день, то подумаю.

Родители ушли на работу. Мы, вскрыв банку, в задумчивости стояли перед забором.

– Начинай, – не выдержал брат.

– Что начинать? Нет же никого.

⁸ См рассказ «Деревенский детектив – 2»

Я обмакнул кисть в краску, провел по доске.

– Выйду на дорогу, посмотрю. – Пашка сквозь редкую посадку выбрался на дорогу.

Я красил доску. Непонятно, что в этом такого.

– Нет никого, – вернулся Пашка. – Я пойду Моргуnenку позвоню, позову в футбол играть.

Брат ушел в дом. Зеленая краска ложилась на доски, забор получался какой-то убогий.

Вернулся Пашка.

– Позвонил, сейчас придет.

Моргуnenок жил неподалеку, через дом от нас. Минут через пять он явился.

– Здорово, – пожал Пашке руку. – Паш, чего тут?

– Вот, – Пашка показал на меня.

– Что?

– Вот, красим...

– Зачем? – удивился Шурик. – Заборы же никто не красит.

Пашка молчал, не зная, что сказать.

– В городе красят, – сказал я.

– В городе? – Шурик почесал затылок. – Так-то в городе...

– На кладбище тоже красят, – нашелся Пашка.

– На кладбище ограды, – начал спорить Моргуnenок. – Ограды это совсем другое дело, они чтобы мертвые не ходили, а забор, чтобы живые и собаки не лазили.

– Ну... – задумался Пашка.

– Значит, вы в футбол играть не будете?

– Не можем, мы красим, – сквозь зубы ответил я.

– Тогда ладно, я пойду. Вечером на скот придете?

– Куда мы денемся? – вздохнул я.

– До вечера, – Шурик ушел.

– Не попросил, – Пашка пометил что-то в записной книжке, сорвал с березы веточку и начал жевать. – Падла!

– Зато не дурак, радуйся. Что дальше? – я закрыл пустую банку.

– Пойду Башкиренку и Рябичу звонить, – вздохнул брат.

– Звони, а я еще краски принесу.

Я пошел за новой банкой. Краска в остальных банках оказалась синей. Я застыл, предчувствуя крупный скандал. Разукрашивания забора в разный цвет родители бы нам точно не простили. Из дома вышел Пашка.

– Позвонил, скоро придут. А ты чего не красишь?

– Краска синяя...

– И что?

– А то, что покрасил я зеленой...

– И что?.. А точно зеленой?! – глаза Пашки бешено заметались за стеклами очков. –

Может там синяя?

– Зе-ле-на-я! – отчеканил я.

– Что делать?! – Пашка схватился за голову.

– Не знаю... Если только заново покрасить, по зеленому?

– Пошли скорее!

Мы схватили банки и кинулись к забору. Я лихорадочно начал перекрашивать доски.

Подошел Андрей Башкиренок и, поздоровавшись, стал смотреть.

– Влад, что ты делаешь?

– Забор крашу.

– Он же покрашен.

– Цвет не тот.

По дороге шел Вася Пепа. Пепа был старше меня, ростом повыше, но по уму отставал даже от Пашки и его друзей. Единственной отрадой в его жизни были птичьи яйца. Он не мог пройти мимо гнезда. Ловко как обезьяна залезал на любое дерево и прямо там выпивал яйцо, посыпая солью и заедая черствым хлебом. Уж сколько его гоняли, а все равно. Выйдет, оглянется, что нет никого и юрк на дерево! Только пустая скорлупа вниз сыпется.

Увидев нас, Вася подошел.

– Здорово, мужики.

– Здравствуй, Вася.

– Чо делаешь, Влад?

– Забор крашу...

– Зачем? – удивился Вася.

– Чтобы мертвые не ходили, – выдал Пашка.

Пепа задумчиво посмотрел на него.

– В городе всегда заборы красят, – продолжал Пашка.

– В каком городе? Я был в городе, там заборов не было.

– В этом... в Москве! Ты в Москве был?

– В Москве не был, – признался Вася. – А ты, можно подумать, был.

– У них батя в Москву учиться ездит. Он и рассказал, – подал голос Башкиренок.

Вся деревня знала, что отец ездит в Москву учиться заочно на второе высшее.

– Хорошо, – кивнул Вася. – Но то в Москве. В Москве, говорят, кур доят, а коровы яйца несут. А зачем ты по покрашенному красишь? – вытащил из пришитого к длинным черным сатиновым трусам кармана самокрутку и спички.

– Интересно мне, вот и крашу.

– Странные вы какие-то, – Пепа закурил. – Одно слово – приезжие.

Подбежал Моргуnenок.

– Слышали, – начал он, – кто-то строителей в вагончике закрыл ночью.

– Зачем? – удивился Вася.

– Обокрали их! Кирпичи украли, гвозди и краску!

Все посмотрели на банки.

– Краску?.. – Пепа задумчиво выдохнул дым.

– И краску и доски и рубероид! – частил Шурик, радуясь вниманию. – Скоро милиция приедет!

– Милиция? – Пашка медленно сполз по забору и сел на землю.

Непонятно почему он с детства боялся милиции.

– Чего это он? – удивился Вася, показывая на Пашку.

– Краски надыхался, – буркнул я.

– Это у него от кепки, – не согласился Моргуnenок. – Мамка говорит, что у нормального человека уже давно бы тепловой удар от такой кепки был. Вот – удар. Пашка – нормальный.

– Психи вы, – Вася выбросил в посадку окурок и ушел.

– Я тоже пойду, – сказал Башкиренок, но не успел уйти.

– А чего это вы тут делаете? – спросил подошедший Рябич.

– Влад красит, строителей обокрали, Пашка нормальный, – на одном дыхании выдал Шурик.

– Зачем ты красишь? – спросил Рябич.

– Они от мертвецов красят, – сказал Башкиренок.

– У вас там мертвецы? – Рябич попятился с вытаращенными глазами.

– Нет у нас никаких мертвецов! – закричал я. – Мы просто красим забор!

– А зачем ты его красишь? – спросил Рябич.

– Нравится мне, вот и крашу!

- Что тут может нравится? – не понял Шурик.
- Ты попробуй и сам поймешь.
- Ага, если я в краске испачкаюсь, меня мамка убьет.
- Ты не пачкайся.
- Сам-то уже испачкался...
- Где?!
- На штанах сзади и на коленке.
- И локоть левый, – подсказал Рябич.

Я завертелся, будто собака, пытающаяся ухватить свой хвост, и лихорадочно попытался оттереть дырчатые отцовские штаны, неохотно отданные мне на донашивание.

- Мамка нас убьет! – простонал Пашка.

Ему со штанами было проще. Брат щеголял в двуцветных, сшитых бабушкой Дуней: левая половина – серая, а правая – темно-синяя.

- Она вас правда кнутом бьет? – спросил Рябич.

– Брехня! – на правах близкого друга отрезал Шурик. – Кнута у них нет. Откуда у них кнут? Кнуты у пастухов, вот. Она их кипятильником бьет. Кипятильники у всех есть.

- А что это вы тут делаете, падлы? – послышался вкрадчивый голос.

Все замерли как бандерлоги перед питоном Каа под взглядом незаметно подкравшейся матери.

- Мы... красим... – выдавил я.
- Себя? – мать лучилась доброй улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего.
- Забор...
- Дети расходитесь, цирк уехал!

Пашкины друзья, как ошпаренные, кинулись бежать через посадку.

– Изыдите, паразиты малолетние, – мать посмотрела вслед. – Шныряют тут как чирки, так и норвят что-нибудь спереть. Павел, встать!

Пашка вскочил, будто подброшенный.

– Нечего на холодной земле сидеть, застудишь себе что-нибудь из ненужного... А ты что измазался, как клоун, кулема?

- Я случайно...
- До каких пор вы, дармоеды, – мать пнула пустую банку, – будете меня позорить?!

Банка угодила в собачонку деда Бутуя Каштанку, с визгом бросившуюся наутек.

– Устроили тут шурум-бурум, – взгляд матери ошутимо пригнул к земле. – Марш домой, утконосы!

Мы трусцой побежали к калитке. Мать не спеша шла следом.

- Убьет, – заскочив во двор, прошептал Пашка.
- Угу, – я с тоской посмотрел на сад.
- Побежали?
- Да!!!

Мы ломанулись в сад так, будто за нами гнались бешеные собаки. Вслед неслись угрозы и проклятия. Просвистела банка из-под краски. В саду прятались до самой ночи. Потом вернулись домой и были выпороты. Отец, узнавший причину нашей тяги к покраске заборов, хохотал как безумный и довольно ухал, будто комлевой филин. Мать в бешенстве бросила книжку в костер. Краску с забора пришлось оттирать рубанком и наждачкой, но это уже другая история.

Конкуренция

– Эволюция, дети мои, – отец отхлебнул чай, щедро сдобренный молдавским коньяком «Белый аист», – подразумевает то, что выживает не тот, кто сильнее, вроде меня, – согнул левую руку, напрягая объемистый бицепс, – а тот, – наставительно поднял палец, – у кого мозгов больше, – гулко постучал себя по лысеющей голове. – Понятно?

– А ты самый умный в деревне? – спросил Пашка.

– Конечно, я же директор, а умнее директора в совхозе никого быть не может, иначе он перестанет быть директором. Но чтобы стать директором, надо иметь мозги.

– Я смогу стать директором? – застенчиво поправил очки Пашка.

– Ты? – отец задумался. – Может и сможешь, а может и нет. Все зависит от того, как ты проявишь себя в условиях конкуренции.

– Вить, не глуми детям головы, – сказала мать, – они же не гуси. И вообще, Пашка в очках – он может парторгом вместо Крахи стать.

– Не вмешивайся в педагогический процесс, женщина! – отца несло. – Это тебе не старина, когда выгодно женился и одним махом из грязи в князи. Только в мультфильмах каждый суслик в поле – агроном, а между тем, агрономия наука точная, не каждый ботаник с большой дороги справится. Тут тебе не прежний колхоз «Красный семенник», не шараш-монтаж-контора, тут скоростная вспашка не поможет. Такого нынче не бывает, чтобы не было ни гроша и вдруг парторг.

– Подумаешь! – обиделась мать.

– Ныне, при гласности, каждая пипетка мнит себя клизмой, а это вовсе не так.

– На себя глянул бы.

– Итак, дети мои, – постучал украденной в столовой ложечкой по стакану, имеющему такое же происхождение, – рассмотрим, за какие ресурсы вы конкурируете?

– Какие? – заинтересовался Пашка.

– Вот что вы добываете?

Все задумались.

– Мы заборы воруем, – наконец сообразил Пашка.

– Молодцы! – отец распластался над столом и погладил Пашку по голове. – Но где тут конкуренция?

– А если нас поймают?

– Надают тумачков. Если Серега Корявый поймает, то и зарубить может.

– Вить, что ты несешь?! – возмутилась мать. – За какие шиши их хоронить?

– За счет Корявого, – по крокодилу усмехнулся отец, – но конкуренции в краже заборов нет.

– Почему? – не понял Пашка.

– Потому, что кроме вас заборы в деревне никто не ворует.

Мы с Пашкой переглянулись.

– И не смотрите на батьку, как Рубенштейн на бурлаков. Батька вам добра желает. Нет тут конкуренции.

– Мы антенну у Корявого украли, – начал спорить Пашка. – Даже два раза!

– Кроме вас антенн никто не ворует.

– Как это не ворует? – возмутился Пашка. – Корявый у Лобана антенну украл.

– Да? – отец почесал затылок. – А я думал, что это вы, – посмотрел на меня.

– Нет, – я покачал головой, – Корявый.

– А зачем?

– После того, как мы у него антенну украли, – неохотно объяснил я, – он себе у Лобана спер.

– А вы опять у него? – восхитился отец, – Вор у вора украл?

– Ну да...

– Кто из вас вырастет? – вздохнула мать. – Мы в вашем возрасте антенны не воровали.

– Правда? – не поверил Пашка.

– Не было тогда антенн...

– Нет тут конкуренции как таковой, – решил отец. – Еще примеры?

– Влад яблоки не дает никому рвать, – высказался Пашка.

– Не пойдет. Это на моем авторитете держится⁹. Убери меня, и кто Влада будет слушать? Молчите? То-то и оно. Это, брат, марксизм, от него никуда не денешься.

– Совсем никчемны, – вздохнула мать, – того и гляди, куры засерут.

– А это идея, – повеселел отец, – попробуйте яйца воровать.

– Вить, что ты несешь? Их поймают, позора на весь район не оберешься.

– Чего их поймают? Они же, как хорьки, юркие. Вспомни, как у Максиманихи курицу сперли¹⁰.

– Курицу у Максиманихи и ты бы спер, а яйца из сараев воровать – это другое.

– Валь, ты вечно паникуешь и каркаешь. Ну, поймают, так они дурачками прикинутся, – отец перекошил лицо, скорчив придурковатую рожу, – их и отпустят. Им даже и прикидываться особо не надо.

– Все равно, – мать оттянула кожу под глазами и надавила на нос, скорчив еще более страшную рожу, – опасно. Пускай лучше из гнезд воруют.

– А что, – согласился отец, – вот это самая натуральная конкуренция. Кто раньше: вы или Вася Пепа.

– Пепа – дурачок, – насупился Пашка. – Он может и в глаз дать.

– А ты не дрейфь! Ты первый ему в глаз дай!

– Вить, посадят этих уголовников, а нам потом передачи носить.

– А мы не будем носить. Пускай на полном гособеспечении живут, ха-ха-ха.

– Витя, не каркай! – мать постучала по столу и поплевала через плечо, попав в Пашку.

– Значит так, – отсмеявшись, сказал отец, – завтра ваша задача – добыть яйца.

Но помните, Пепа в отличие от вас, сурков, не спит.

Назавтра утром, проводив родителей на работу, мы сели на лавку под верандой думать, как добыть яйца.

– Надо к кладбищу идти, – предложил я, – там грачей много.

– Там деревья высокие, – поежился Пашка, – убиться можно.

– Так на низких он давно уже все пожрал.

– Я на высокое не полезу!

– Да я сам залезу, – с сомнением сказал я.

Березы на кладбище были толстые, мне на такие было нелегко забраться.

– А если свалишься?

– Ну...

– Может за Пепой проследить, куда он ходит?

– Что толку? Куда он придет, там яиц не остается.

– А если его дома закрыть?

– Идея хорошая, – признал я, – но все равно, непонятно, как достать яйца.

⁹ См. рассказ «Яблоко раздора-II»

¹⁰ См. рассказ «Бойлер – 3 (Соучастники)»

В это время из сада вынырнул Пашкин лучший друг Шурик по кличке Моргуnenок. Услышав о нашей беде, он вдруг сказал:

– Давайте на карьере стрижей яйца достанем.

– Нас мамка на карьер не пускает, – признался я, – сказала, если узнает, то на одну ногу станет, за другую потянет и разорвет как лягушку.

– Она может, – вздрогнул Шурик, – строгая...

– А если голубей на току? – предложил Пашка.

– На ток трудно залезть, – покачал я головой. – Мы с Пончиком пробовали.

– Если куриные? – спросил Шурик. – Я принесу.

– Куриные заметные, батя сказал, что у птиц по цвету отличаются.

– Понятно.

Мы снова задумались.

– А если покрасить? – спросил Пашка.

– Забыл, как забор красили?

– Это да, – нахмурился брат.

– Знаю! – вскочил Шурик. – У нашего соседа, Лукьяновича – ветврача, на огороде три скворечника. Он на работе, Альма его на меня не лает, залезть можно с нашего огорода – там доска отодвигается, я огурцы ворую.

– Нас никто не заметит? – занервничал Пашка.

– Если заметят, то подумают, что вы ко мне в гости пришли, – успокоил Моргуnenок. –

Не бойсь.

– Мишка твой нас не увидит?

– Нет, он в детском саду.

Идти до дома Шурика было недалеко. Он стоял за домом нашего соседа Кольки-Лобана, от которого наш дом отделяла пыльная дорога.

– Тут штaketина не прибита, – показал в огороде Моргуnenок.

Я отогнул штaketину, примерился: – Мало. Выбью еще одну, – пара ударов ногой расширила дыру.

Пролезли на огород ветврача.

– Альма, свои, – помахал зевнувшей собаке Шурик. – Вон, три штуки, – показал на торчащие из земли шесты со скворечниками.

– А яблони где? – растерялся Пашка.

– Какие яблони? – удивился Шурик.

– На которые залезать надо.

– Нет тут никаких яблонь, и никогда не было!

– Влад, что делать? – Пашка едва не плакал. – На такие тонкие не залезешь.

– Шурик, у тебя есть дома?..

– Ружье? – перебил меня Шурик.

– Пила.

– Есть у бати, но сарай закрыт.

– А топор?

– Есть.

– Неси!

Шурик шмыгнул в дыру. Альма подошла к нам и снова зевнула. Моргуnenок принес топор.

– Рубить будешь?

– Да... – я взял топор. – Вы держите сверху, чтобы палка не упала и не тряслась, а то поколем яйца.

Топор был острым, шест не толстым и я быстро с ним расправился.

Прислонил к забору, срубил два других.

– Как яйца достать? – Пашка пытался просунуть руку в леток.

– Можно разить скворечник, – предложил Шурик.

– Дурак? – я покрутил пальцем у виска. – Яйца разобьются.

– И что делать? – растерялся Пашка.

– Домой отнесем, там разберем.

– Как ты разберешь? – начал спорить Моргуnenок.

– Дно отпилю.

– Там гвозди!

– Ножовкой по металлу.

– А, тогда да. А как нести?

– Нас трое, – объяснил я. – Каждый берет по скворечнику и несет. Они не тяжелые.

Мы вернулись в огород Шурика, приколотили на место штакетину и вышли на улицу.

Как на грех, по дороге шла бабка Максиманиха.

– Здорово, костромьята, здравствуй, Моргуnenок.

– Здравствуйте, Марфа Захаровна, – поздоровались мы.

– Чой-то вы тащите? – подозрительно прищурилась Максиманиха. – Опять что-то сперли?

– Ничего мы не сперли! – обиделся Пашка. – Мы честные!

– Оно и страшно! Во чего бойся! Честные они! Не смейся, костроменок! Приезжие, что с вас взять? Ты, Моргуnenок, зря с ними связался, научат плохому. Вон Андрюху Родионова чуть не посадили из-за Влада¹¹! Что волокете, башибузуки?

– Это в школе задали, – сказал я, – чтобы птиц в деревню приманить.

– Зачем нам тут птицы? Курей кормить нечем, а они птиц приманивают!

– Птицы жуков всяких едят, вредителей.

– Во ты брехать здоров! – восхитилась бабка. – Прямо как старый Пыня. Жуков они едят.

Держи карман шире! Колорада никакая птица не ест!

– Ну... – я задумался.

– Сумасшедшие вы! – ткнула в нашу сторону пальцем Максиманиха. – Психи!

– Ничего мы не психи! – не выдержал Пашка.

– Психи! Вся деревня знает, что вы забор красили, а нормальному человеку такая блажь в голову не придет. Вы, костромулики, те еще жулики!

– А вы!.. – начал Пашка, но я толкнул его, заставляя замолчать.

– Не ругайся с ней, пошли. А вам, Марфа Захаровна, должно быть стыдно на инвалида ругаться!

Мы обошли замершую от нашей наглости Максиманиху.

– Люди добрые, что делается?! – заголосила она нам вслед. – Они же деревню подожгут!!!

Спасайся кто может!!!

– Дура какая-то, – сказал Шурик.

– Мы ей отомстим, – оглянулся Пашка и показал бабке язык, – мы ей...

– Пошли, мститель неуловимый, – оборвал я, – пока нас еще кто-нибудь не заметил.

Дома аккуратно отпилили доньшки, достали яйца.

– Целых семь штук, – радовался Пашка. – А со скворечниками что сделаем? Сожжём?

– Зачем? Я доньшки на место приколочу и повесим у нас в огороде на яблонях, пускай скворцы живут.

Так мы и сделали. Вечером гордо показали добычу отцу.

– Откуда? – он подозрительно обнюхал яйца.

¹¹ См. рассказ «Деревенский детектив – 2»

- Добыли.
 - Где вы могли добыть?
 - Ну...
 - На кладбище таскались? – нахмурилась мать.
 - Ничего мы не таскались.
 - Тогда на карьер? – взгляд матери потяжелел. – Я вам что говорила? Разорву как лягушек!
 - Не ходили мы на карьер!
 - Откуда яйца? – мать встряхнула Пашку за шиворот. – Я вас загоню туда, куда Макар телят не гонял!
 - Куда? – не понял я.
 - На кудыкину гору! – ударила по столу кулаком. – Говори, а то всю душу вытрясу!
 - У ветврача, – пискнул брат.
 - У какого ветврача?
 - Мы у Лукьяновича из скворечников взяли, – признался я.
 - Вас кто-нибудь видел?
 - Нет... никто...
 - А как достали? – заинтересовался отец.
 - Они на шестах были, мы срубили и забрали...
 - Молодцы, догадались, все в меня.
 - Мы и скворечники забрали, – сказал Пашка, ободренный похвалой.
 - Зачем? – не поняла мать.
 - Ну... Влад сказал...
 - Влад, зачем вы скворечники забрали?
 - А что было делать? Не там же разбирать.
 - Надеюсь, додумались сжечь? – спросил отец.
 - Ну...
 - Что ты мычишь? – вскипела мать. – Отвечай четко!
 - Мы их в саду повесили...
 - Вить, они меня доконают! Эти кишкомоты меня в гроб загонят!
 - Нарочно не придумаешь, ха-ха-ха, – захохотал отец. – Скворечники спереть. Это надо было догадаться. Такого в округе еще ни разу не было.
 - Нашел, чему смеяться, – поджала губы мать. – Какой ты пример детям подаешь?
 - А что? Яйца увели, еще и скворечники прихватили. Наша порода! Нас за чечевичную похлебку не купишь!
 - Вить, они их на огороде повесили, а ты ржешь как сивый мерин!
 - Это правильно: краденое лучше всего прятать на самом видном месте.
 - Скворцов есть можно... – задумчиво сказала мать.
 - Да брось ты, – махнул рукой отец, – со скворца сколько там мяса? То ли дело молодой грач, – мечтательно облизнулся. – Пока птенцы еще летать не умею, обдерешь перья вместе со шкурой и с укропчиком, как раков, в ведре. Как цыплятки молоденькие. Да под самогоночку. Мы праздник, день весны, так отмечали всегда.
 - Мы теперь конкуруем? – спросил Пашка.
 - Точно, конкурируете, ха-ха-ха.
- Так у нас на огороде появились скворцы. Максиманиха насочиняла, что мы ходим вокруг деревни с птичьими гнездами на палках, вызывая дождь, а ветврач всем рассказывал, что инопланетяне украли его скворечники.

Эксперимент

К нам в гости приехала бабушка Евдокия Архиповна, мать отца. Бабушка Дуня была травницей и лечила людей. На следующий день нарвала в саду разные травы и начала показывать нам, объясняя какая для чего нужна.

– А эта зачем? – Пашка прилежно конспектировал в синюю книжечку, шантажом добытую у Лариски – двоюродной сестры. – А эта? А отравить какой можно?

– Паша, а тебе зачем? – удивилась бабушка.

– Как зачем? Чтобы не отравиться, когда есть буду. А то вон Голубка наша подохла, и я могу.

– Голубка?

– Это корова наша, – объяснил я. – Померла она весной.

– Так ты не ешь незнакомую траву.

– А вдруг мне случайно попадет?

– Он раз чуть волчьи ягоды не съел, – снова объяснил я. – Теперь боится.

– Я думал – это черника, – надулся Пашка.

Он однажды чуть не польстился на крупные черные, с сизым налетом, ягоды, росшие в защитной лесопосадке.

– Индюк тоже думал, да во щи попал, – сказала подкравшаяся по своему обыкновению мать. – Зря вы им, Евдокия Архиповна, все это рассказываете. Не в коня корм.

– Почему зря, Валь? Учение всегда детям на пользу. Я вот как упустила Витьку, так и вырос дураком. Даром что два высших образования, а все вставит два пальца в рот да свистит.

– Да, с Витькой вы мне сильно подкузьмили, – мать поджала губы.

– Чем же, невестушка? – хитро прищурилась бабушка.

– Такой с виду весь положительный: не пил, в драки не лез, у агронома помощник, а оно воно как оказалось.

– Как?

– Лодырь он комлевой!

– Есть такое, – вздохнула бабушка, – уж сколько его батя порол, а все без толку. Соломину забесплатно не подымет.

– И эти спиногрызы все в него: только жрать им подавай, а картошку полоть палкой не загонишь!

– Валь, нельзя так с детьми. Чай не объедят вас, а под старость и хлебца подкинут.

– От них и стакан воды не дождешься, не то, что хлебца.

– Пошли, Егоровна, поговорим, – бабушка увела мать в дом.

– Я тут подумал, – Пашка поправил на переносице очки, – надо перимент провести...

– Чего?.. – вытаращился я.

– Перимент, как по телевизору показывали...

– Эксперимент? – дошло до меня.

– Ну, да.

– Какой? – с Пашкой надо было держать ухо востро.

Он был слегка не в себе – человек кургузенький и запуганный, но при этом весьма себе на уме и хитёр, как сорок тысяч енотов.

– Зачем тебе это? – спросил я, зная каверзный характер брата.

– Ну... – глаза заметались за толстыми стеклами очков.

– Не юли!

– Я Максиманихе отомщу! – оглянувшись, не подслушивает ли кто, выпалил брат.

– За что?

- Помнишь, как она обзывалась, когда мы у Лукьяновича скворечники украли?
- Обзывалась и черт с ней.
- Она меня Израилем Хендсом дразнит!
- Ты что, решил ее отравить?
- А что она?
- Паш, людей нельзя травить за то, что они дразнятся. Меня вон рыжим дразнят, я же никого не травлю.
- Ты Кыляю нос сломал! – заявил Пашка.
- Это один раз было. Но я же не травил его.
- Я не буду травить ее, я хочу курей отравить.
- Куры чем виноваты?
- Она их выбросит, а мы заберем и съедим!
- Насчет кражи харчей Пашка был не дурак – весь в отца пошел.
- Глупая затея.
- Ничего не глупая! Это кперимент такой.
- Эксперимент, опыт значит?
- Да.
- И чем думаешь травить?
- Пашка был весь в мать: если что вобьет себе в голову, то колом не выбьешь.
- Удобрениями нельзя, – важно начал рассуждать он, – а то сами пометим. Надо травой.
- Какой?
- Куриной слепотой, – глаза блеснули. – Они ослепнут, она их убьет и выбросит!
- Что замышляете, бакланы? – над забором, словно голова жирафа, выросла голова отца.
- Почему мы бакланы? – обиделся Пашка.
- Бакланы это гуси такие, морские, – растолковал отец. – Наглые, ленивые и рыбой пахнут. Один в один вы, ха-ха-ха.
- Мы переглянулись.
- Ну что скучаете? – отсмеявшись, спросил он и закурил «Приму».
- Травы изучаем, – ответил я.
- Какие еще травы?
- Бабушка Дуня травы показывала.
- Архиповна дурному не научит, слушайте ее, – отец метко плюнул Пашке на левый носок, – учитесь, а то станете инженерами помойных ям и половых тряпок. Но учтите, вы должны изучать траву не в тенечке возле дома, а на прополке огорода. Запомните, – назидательно указательный палец, – не бог, а труд создал человека! Понятно, сорокопуты?
- Почему мы сорокопуты? – не понял Пашка. – Были же бакланы?
- Потому, что путаете все хуже сорок, ха-ха-ха, – отец щелчком послал в меня окурочок.
- Я уклонился.
- Реакция есть – дети будут, – одобрил отец и ушел в дом, напевая:
*– Горбатый агроном, как будто мелкий гном,
горбатый агроном не важен и не виден.*
- Чуть не засек, – облегченно вздохнул Пашка. – Нельзя так близко возле забора стоять.
- Угу.
- Пошли, отойдем.
- Мы вышли в сад.
- Где вы собираетесь куриную слепоту рвать? На озеро соваться нельзя, мать убьет, если узнает.
- В саду возле болота есть.

В саду, со стороны клуба, было болото, тянувшееся вдоль защитной лесопосадки. Не сказать, чтобы очень большое, но с вкусным камышом и огромными сине-прозрачными стрекозами, дрожащими словно от тока. Однажды я там чуть не утонул¹².

– Хорошо, – кивнул я. – А подбрасывать как?

После того, как мы украли у нее жерди из плетня и глиняные горшки¹³, а Пашка с Шуриком привязанную во дворе курицу¹⁴, Максиманиха не только сгородила новый забор и обзавелась собакой, но и взяла на постой учительницу.

– Как в прошлый раз.

– А собака?

– А что собака?

– Лаять будет.

– Собаки все время лают, – брат призадумался. – Если ее отравить?..

– Ты с ума сошел?! Собака-то в чем виновата?

– Чего она лает?

– Наши тоже лают. Работа у собак такая – лаять. Собаку травить не дам.

– Ладно, – Пашка почесал затылок.

Из-за яблонь вынырнул Шурик Моргуnenок:

– Привет, чего не играете?

– Здравствуй, Саша, – солидно сказал Пашка. – У нас дело, мы план думаем.

– Какой? – брови Моргуnenка удивленно взлетели.

– Мы должны отомстить Максиманихе!

– Зачем? – удивился Шурик.

– Она над нами смеется!

– Над нами все смеются...

– Они за это ответят!!! Мы...

– Хватит, – прервал я, – вы уже всю деревню решили отравить?

– Кого травить? – левый глаз Шурика задергался.

– Всех! – зловеще сказал Пашка.

Шурик кивнул:

– Правильно! Так с этой ведьмой и надо! Она два раза нашу корову в обед раньше мамки выдоила.

– Давайте корову украдем, – предложил Пашка.

– Паша, ты точно рехнулся! – я понял, что надо брать дело в свои руки, иначе будет хуже.

– Корову не надо, – поддержал Моргуnenок, – за корову милиция приедет...

– Тогда не будем, – голос Пашки сел. Брат с детства боялся милиции, – только курей.

Взяв из сарая мешок, юные мстители пошли на болото. Вернулись через час: мокрые, грязные и довольные.

– Ночью накидаем, – подмигнул мне Пашка. – Будет знать!

– Только замок глиной не мажь, – устало сказал я, – иначе сразу на вас подумают.

– Что я, дурак, что ли? – Пашка надулся как клоп. – Не понимаю? Я давно уже глиной не мажу.

– Не делали бы вы этого... – без особой надежды сказал я.

– А что, она смеется, а мы терпеть должны?!

– Ладно, не ори, мать услышит.

¹² См. рассказ «Губит людей вода?»

¹³ См. рассказ «Бойлер»

¹⁴ См. рассказ «Бойлер – 3 (Соучастники)»

Когда стемнело сорванцы пыхтя поволокли мешок к дому Максиманихи, оставляя за собой след из неистового собачьего лая, тянущегося по улице.

– Придурки, – сказал я и полез на крышу.

Время шло, в пруду возле дома главного инженера громко квакали лягушки, собаки стали затихать, а потом и вовсе замолкли. Светили звезды, зудели комары, клонило в сон. Вдруг раздался какой-то звон, потом крики. Хором грянули собаки. Вскоре по всей деревне несся оглашенный лай. Стали зажигаться окна, кое-где хлопали двери: встревоженные люди выходили посмотреть, не пожар ли.

Открылась и наша дверь. Мать, зевая, спустилась с крыльца.

– Байкал, чего лаешь, спина трехрогая?! – накинулась на кобеля. – Заткнись, сукин сын! – подобрала кусок гравия и швырнула в Байкала.

Обиженно взвизгнув, пес спрятался в конуру.

– Где этих паразитов носит? – мать задумчиво посмотрела на небо. – Вроде дождя завтра не будет, – снова зевнула, перекрестила рот и ушла в дом.

В саду послышался топот и хруст. Во двор вломились две невысоких тени. При зыбком желтом свете фонаря на столбе я узнал Пашку и Шурика. Тяжело дыша, упали на пеньки вокруг кострища. Я спустился с крыши и подошел.

– Что случилось?

– Там у нее это! – отозвался Шурик. – А мы это! А оно это! – развел руками.

– Что случилось? – повторил я.

– Мы во двор, – отдышавшись, объяснил Пашка, – залезли, стали траву раскидывать, а тут собака!

– Укусила?

– Нет, не успела. Шурик ее дрыном!

– Убил собаку?!

– Нет, по спине, – виновато сказал Шурик, – не убил.

– Мы стали убежать, а там какие-то железки на заборе, зазвенели, мы побежали, а собаки лают. Дед Бутуй с ружьем выскочил! Еле убежали. Но хорошо: завтра курей выпустит, а тут!

– Мешок где? – спросил я.

– Какой мешок? – не понял Шурик.

– В котором вы траву несли.

– Там где-то бросили... Паш, ты чего? – Моргуnenок посмотрел на Пашку, в ужасе прижавшего руку ко рту.

– Вы? Бросили? Мешок? – медленно спросил я, чувствуя, как леденеет в животе.

– Ну, да... А что?

– А то, что Егоровна все наши мешки подписала!

– Зачем?

– Чтобы никто не украл...

– Их кто-нибудь ворует?

– Наш батя...

– Завтра мешок найдут, – дошло до Шурика, – и поймут, что это вы?..

– И мамка нас убьет, – прошептал Пашка.

– Вы же про меня не скажете? – Шурик вскочил с пенька и начал метаться в темноте. – Не скажете?

– Я пыток боюсь, – заплакал Пашка. – Я скажу...

– Друг называется, – Моргуnenок тоже заплакал.

– Теперь плачьте, не плачьте, а поздно, – сплюнул я. – Еще и мне из-за вас влетит.

– А если сказать, что у вас мешок украли? – всхлипывая, предложил Шурик.

– Кто ворует пустые мешки? – я безнадежно махнул рукой.

– Что же делать? – убито спросил Шурик.
– Я откуда знаю? – я сел на пенек, пропахший отцовским табаком.
– Если сходить и забрать?
– В темноте? Вы помните, где его бросили?
– Я нет.
– А я в темноте вижу плохо, – сказал Пашка.
– Вот видите? – я покачал головой. – Толку искать? Только собак опять переполошим всех. И так уже полдеревни перебудили. Шурик, иди домой, а мы пойдем спать.

Ночь я проворочался на продавленном пропахшем отцом диване. Утром, услышав, что мать пошла доить корову, тихо встал и выскользнул из дома. Ежась от утренней прохлады побежал через росистый сад к перекрестку. Оскальзываясь на мокрой траве, выбрался на асфальт, свернув в посадку, обогнул улицу Жарика. По гороховому полю вдоль околицы добрался до дома Максиманихи. На заборе висели пустые консервные банки. В них ночью и влетели Пашка с Шуриком. Натоптали они в горохе как мамонты. Пригнувшись, чтобы не торчать, как пугало у всех на виду, начал распутывать следы. Раздался шорох. Я поднял взгляд. По полю ползал всклокоченный бледный Моргуненок.

– Не нашел? – с надеждой спросил он, глядя покрасневшими глазами.
– Нет. А ты давно тут?
– Всю ночь ищу...
– И не нашел, – сам себе сказал я.
– Нет, – видно было, что Шурик с трудом сдерживает слезы. – Что теперь делать?
– Может во дворе?
– Я заглядывал, там только трава рассыпана.
– Ладно, пошли отсюда. Вдруг в лесу валяется?
Мы пошли по следам, но никакого мешка не нашли.
– Как вы бежали по саду?
– А я помню? – Шурик пожал плечами. – Темно же было. Бежали к вашему дому как-то.
– Давай искать.

Ходили по высокой траве, окончательно вымокнув в росе. Когда люди начали сгонять коров и овец к перекрестку, пришлось упасть в траву и прятаться. Ничего не найдя, пошли к дому.

– Влад, где тебя черти носят? – выглянула с крыльца мать. – Завтрак остыл давно. Здравствуй, Александр.

– Здравствуйте, Валентина Егоровна.
– Позавтракаешь с нами? – приветливо улыбнулась мать.
– Спасибо, я не хочу, – Шурик вздрогнул, вспомнив рассказ Пашки, как на нем проверяли съедобность грибов¹⁵.

– Напрасно, но нет, так нет. Влад, домой!
– Я тебя тут подожду, – Шурик уселся на пенек возле кострища.
– Хорошо.

Завтрак состоял как всегда из бахвальства папаша и нравоучений матери. Я сидел как на иголках: чудилось, что сейчас прозвенит звонок, и разъяренная Максиманиха будет разматывать нашим мешком, визгливым голосом вспоминая историю с ошипанной курицей. Обошлось – звонок молчал. Родители ушли на работу, мы вышли во двор. Шурик спал сидя.

¹⁵ См. рассказ «Сморчки»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.